

Ольга Медведева

СОКРЫТЫЕ

Ольга Медведева

Сокрытые

«Издательские решения»

Медведева О.

Сокрытые / О. Медведева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606790-5

Живущие в тумане, Сокрытые... О них слагают легенды, их боятся, ими пугают непослушных детей. Увидеть их — значит навлечь на себя беду. Вот и Марта Кержес, журналистка и писатель, страшится внезапно проснувшегося дара Сокрытой. Однако эту способность хотят использовать в своих целях другие. Чтобы подстегнуть Марту, злодеи похищают ее подругу, и девушке придется провести настоящее расследование, вернуться в прошлое, рискнуть жизнью, встретиться с собой и понять, кто же они на самом деле — Сокрытые.

ISBN 978-5-00-606790-5

© Медведева О.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая.	8
Глава первая	8
Глава вторая	26
Глава третья	39
Глава четвертая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сокрытые

Ольга Медведева

Истинное призвание каждого состоит только в одном – прийти к самому себе. Кем бы он под конец ни стал, поэтом, безумцем или пророком, – это не его дело и в конечном счете не важно.

Герман Гессе. Демьян

Редактор Ирина Ивонина

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Мария Ведищева

© Ольга Медведева, 2023

© Мария Ведищева, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-6790-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Она бежала босиком. На серый, истоптанный снег Центрального бульвара ложились отпечатки маленьких ступней и капли крови. Фонари хлестали желтыми лучами по тонкой шее и измученному лицу. Ветер трепал волосы, раздувал длинное платье, норовил сорвать его с худенького тела, будто всегда мечтал носить шелка и случай наконец подвернулся.

Никто не понял, откуда она взялась. Не иначе как выпрыгнула из стены ближайшего здания или упала с неба. Увидев ее, прохожие вздрагивали, в недоумении провожали взглядами удаляющуюся фигурку. Не сговариваясь, они поднимали выше отороченные мехом воротники, натягивали глубже капюшоны. Дрожь пробирала от мысли, что кому-то вздумалось дурачиться в такой холод. Один даже заявил об этом вслух, но другой сделал предположение вернее: стряслась беда. Совсем неподалеку.

В тот же миг пугливые благоразумно решили не вмешиваться, любопытным наоборот захотелось узнать, в чем же дело. Мальчик с тяжелым ранцем на плечах первым бросился вдогонку.

Женщина едва ли сознавала, сколько внимания привлекает, не отвечала на удивленные восклицания, двигалась неловко, сбиваясь с ритма и поскользываясь на льду.

Ей крикнули:

– Ты осторожнее, убьешься ведь!

Услышала, остановилась и согнулась, уперлась ладонями в колени, пытаясь перевести дыхание. Мимо пролетел автомобиль, за ним – следующий. Светофор на пешеходном переходе горел красным.

Кто-то спросил:

– Помощь нужна?

Тряхнув головой, она откашлялась и распрямилась. Слабая улыбка появилась на замерзших губах и удивила собравшихся посильнее слов.

– Да, я должна успеть к нему... в последний раз...

Стали отговаривать:

– С ума сошла? Простудишься в лучшем случае. А обморожение вообще не шутка!

Взмахнув руками, она кинулась наперерез машинам и только чудом не попала под колеса. Остальные дождались зеленого сигнала, вышли на широкую проезжую часть.

– Этот поступок романтичнее, чем в кино, хоть и бесполезен, знаете ли, – рассуждал во весь голос закутанный в пальто весельчак.

– Неправда, – с жаром возразили ему, – это прекрасно, а у вас сердца нет!

– Что происходит? – поинтересовались встречные.

– Любовь, банальная любовь тут происходит! Расходитесь, мешаете проехать транспорту...

Парнишка с ранцем не узнал, чем закончился спор, помчался вперед. К тому времени босая вымоталась, зацепилась одной утратившей чувствительность стопой за другую, рухнула ничком. Очередные доброжелатели поспешили к ней, но, заметив странный для зимы наряд, трогать не посмели. Отовсюду стекались зеваки; они таращились, ахали, но не догадались согреть ту, что лежала на тротуаре.

Продрогшая, со свежей ссадиной на подбородке, она неуклюже встала на колени, зачерпнула снега, хорошенько потерла им глаза, а затем обернулась. Под ее безумным взглядом люди отступили на шаг. Многие запомнили искривившийся в ужасе рот и хрипловатый стон:

– О-о, только не сейчас! Пожалуйста, не надо!

Толпа зашевелилась, посыпались предложения:

– Давайте позвоним в полицию, на женщину напали, очевидно же.

– Вызовем скорую, врач лишним не бывает...

У каждого в душе рос страх, а взоры приковали к себе грязные, израненные ноги.

Шатаясь от усталости и холода, неизвестная поднялась, прижала ладони к лицу и поплелась дальше. Внезапно в воздухе образовалась дымка. С каждой секундой видимость ухудшалась, но, сощурившись, еще можно было разглядеть тонкий силуэт. Беглянка снова прибавила скорость, но теперь ее мотало из стороны в сторону, будто ослепшую. Вдруг ее схватили, повалили наземь. Густое марево накрыло бульвар, а через мгновение почти рассеялось. Лишь там, где упала женщина, туман стоял плотной стеной. В привычный городской гул ворвался душе-раздирающий вопль.

Точно зачарованные, десятки свидетелей нырнули в белое облако, окружили место происшествия. Человек в первом ряду пожирал глазами того, кто находился рядом с бездыханным телом. Но едва вдалеке завывли сирены, он очнулся, схватил за шиворот мальчишку с ранцем и вытащил того за пределы круга. Вернувшись, человек рявкнул:

– Уберите отсюда детей! Здесь опасно! Это Туманный!

Часть первая. Сомнение

Глава первая

Раньше мне нравилось представлять себе огромный, залитый светом зал с длинными рядами кресел. Для удобства они были расставлены группами, словно в театральном партере, точно так же обиты красным бархатом и плавно изгибались в спинках. Но их занимали не зрители, готовые внимать высокому искусству, а те, кто любит записывать сны. Люди по очереди заходили в мой зал, неторопливо рассаживались, а когда свободные места заканчивались, я поднималась на сцену и задавала главный вопрос: зачем мы это делаем? Все, конечно, тут же отвечали мне, и у каждого находился особый повод, убедительное оправдание бесполезной в общем-то привычке; они спорили между собой, пытаясь выяснить, кто лучше понимает ее смысл, в чем-то даже соглашались, а встретив полного единомышленника, горячо обнимали его, родного теперь человека. Я твердо верила, что жизнь потеряет добрую часть очарования, если из нее исчезнут сны и сама память о них, поэтому по вечерам клала на тумбочку около кровати раскрытый блокнот. Раз в несколько месяцев его страницы расцветали четкими, подробными образами, но в большинстве случаев жестокое утро забирало все ценное, оставляя мне скудные обрывки фраз, не связанные между собой детали событий да отголоски идей, невесомо затаившихся на краю сознания.

Помню, в день, когда начались видения, я сидела в постели, снова и снова перечитывая последнюю запись в блокноте. «Уходи отсюда, не трогай меня!» – визжали слова, нацарапанные остро заточенным карандашом пару минут назад, а в ушах неприятно звенело. И откуда взялся этот звон, если я не кричала? Вздохнув, я рухнула обратно на подушку и крепко задумалась. Кажется, то существо снилось мне прежде, но не настолько ярко: в памяти засели очертания высокой фигуры и ощущение ужаса от пронзительного взгляда. Я даже не понимала, мужчина передо мной или женщина, человек или зверь, но существо смотрело мне прямо в глаза, а я стояла съежившись – маленькая, слабая, беззащитная – и почти сразу перестала сопротивляться, просто сдалась. Все равно вокруг нас стеклянные стены без дверей: от него мне не сбежать и ничего не утаить.

Сегодняшний сон чем-то напоминал старую легенду о тех, кого в прошлом называли Живущими в тумане. Впервые я услышала о них, едва мне исполнилось шесть. В тот год родители занимались важным исследованием, часто задерживались на работе допоздна и просили знакомых присмотреть за мной. Кто-то соглашался охотно, и тогда мы весело играли, пели песни, смотрели мультфильмы; кто-то считал достаточным разогреть ужин и вовремя отправить ребенка в постель. Больше всего мне нравилось проводить вечера с нашей соседкой. У нее были добрые ясные глаза и седые волосы, уложенные в пышную прическу. Жаль, ее имя вылетело из головы. Та женщина знала уйму интересных историй, а однажды поведала страшную тайну. «Запомни, милая, – сказала она, – порой можно встретить человека, который способен сделать чуть больше, чем остальные. Ты учти, речь сейчас идет не о простых талантах, их-то природа раздает щедро, бери да пользуйся, коли сумеешь. Нет, детка, тут штука посложнее: среди нас живут люди сродни волшебникам из твоих книжек. Они предсказывают будущее, мысленно передают сообщения через тысячи километров и делают еще многое-многое другое! Конечно, верят им далеко не все, над ними даже насмеются, называют обманщиками или безумцами, но я видела их возможности своими глазами, ближе, чем тебя сейчас!»

Это взволновало меня. Стоило родителям вернуться домой, я бросилась к ним с вопросами, но они, сердито глянув на соседку, ответили, что им ничего не известно, а подобные разговоры – обычные суеверия и глупости, и обсуждать их – значит тратить жизнь попусту. Пару дней спустя мама объявила радостную новость: исследование окончено и теперь она будет возвращаться домой вовремя. Еще меня настоятельно попросили не беспокоить никого своими рассказами об особенных людях. Соседку с тех пор я изредка встречала на улице, она держалась подчеркнуто холодно: вежливо кивала в ответ на приветствие и проходила мимо. Лишь раз она задержалась на несколько секунд, упрекнула меня за болтливость и шепнула, что Живущие в тумане, благодаря своим способностям, могут оставаться неузнанными до тех пор, пока сами не захотят раскрыть себя. Больше женщина не сказала мне ни единого слова, а через три месяца скончалась от пневмонии. В ее дом тут же въехали дальние родственники, довольно неприятная супружеская пара; они жили замкнуто и почти не выходили на улицу, предпочитая общество друг друга. Время от времени разлетались слухи о странных событиях, происходивших в окрестностях. Наверное, те истории были откровенными выдумками, но я верила в них и связывала с теми, кого так желала найти. Я представляла Живущих в тумане настоящими героями – с благородными лицами в красивых, развевающихся одеждах, мечтала когда-нибудь познакомиться с ними, а еще лучше – стать одной из них. Теперь-то смешно вспоминать об этом, но детство, проведенное в Калмси, маленьком городке на краю леса, где главное развлечение мужчин – охота на птиц, а удел женщин – ожидание счастья, немало поспособствовало буйству фантазии. Уж очень колоритно выглядела местная природа.

Все изменила реальность, которая рано или поздно вмешивается в беззаботную жизнь, вычеркивая из нее волшебство. Мама с папой хотели дать мне лучшее образование, поэтому выбрали престижную школу в часе езды от дома. Там преподавали отличные учителя, но нагрузка была слишком высокой, и в восемь лет я тяжело заболела. «Нервный срыв, – пожимая плечами, говорили родители в ответ на расспросы знакомых. – Она у нас оказалась такой слабенькой, даже удивительно». Тот год запомнился мне плохо, следующий – еще хуже, но именно тогда сны и грезы перестали иметь значение, потускнели, смазались, и я надолго забросила свой блокнот. Наивная красота детства ушла безвозвратно, а вместе с ней пришлось распрощаться с мечтами об избранности, о будущем, полном приключений и невероятных свершений. Потом я выросла, и, хоть снова записывала сны, в двадцать восемь лет мне было очевидно: Марта Кержес – самый обыкновенный человек.

Я закрыла глаза, устроилась поудобнее и снова попыталась восстановить подробности ночного кошмара, но ничего не шло на ум. Хорошо хоть основную идею удалось ухватить, вдруг получится как-нибудь использовать ее. Лучи солнца пробрались в щель между плохо задернутыми шторами и упали мне на лицо, заставив поморщиться. Ненавижу рано просыпаться. Меня ждут сегодня в ресторане к восьми часам вечера, а впереди целый день. Можно еще немного поспать, а потом вдоволь нагуляться, пообедать в каком-нибудь уютном кафе на другом конце города, вернуться к себе и закончить статью для газеты. Или лучше поработать сегодня подольше? Задремать не вышло, я опять зевнула, потянулась и решительно спустила ноги с кровати: пора вставать.

Утро всегда начиналось с большой чашки кофе на завтрак. Возясь на кухне, я взглянула на календарь и тут же обвела красным фломастером дату в кружок: ровно семь лет назад Лардберг стал моим домом. Я закончила университет, устроилась работать в газету «Мнение» и искала недорогое жилье поближе к редакции. Мне понравилось несколько вариантов, но решающим аргументом в пользу квартиры на четвертом этаже дома номер двенадцать по Подвижной улице оказался вид из окна: двор с небольшим садом. Сейчас-то сад был заброшен и успел зарости сорной травой, пожухлой и безвольно распростертой на земле, но раньше там цвели чудесные цветы, укрытые мазками тени от деревьев, а чьи-то руки ухаживали за ними, оберегали от непогоды и любителей бесплатных букетов. В городе частенько

обрывали клумбы, разбитые на самом виду, но наш сад никогда не трогали, а теперь он лежал внизу – забытый, ненужный клочок земли, пятно живой природы среди засилья кирпичных стен. Я распахнула настежь окно и залюбовалась тонкими липами, заслушалась шелестом их желтых листьев на ветру. Стояло мое любимое время года – золотая осень, самая романтическая и вдохновляющая пора для писателей, художников, музыкантов и всех тех, в ком есть хотя бы капля творчества.

Такие дни придавали сил и уверенности, ведь именно в середине прошлой осени я закончила свой главный труд – психологический роман о трех поколениях одной семьи, в которой все, даже самые младшие, портили друг другу жизнь с улыбкой на губах, привычно повторяя фразу утешения, семейный девиз, скрепляющий людей надежнее любви: «Я рядом, я желаю тебе блага». У читателей книга имела успех, а пара известных критиков окрестили меня литературным открытием и молодым дарованием. Это приятно щекотало самолюбие, однако без отрицательных отзывов тоже не обошлось, и в некоторых из них со мной расправились сурово, обозвав роман ужасающе бесчеловечным, а вместе с ним заклеив позором и автора. Суматоха продлилась недолго, и сейчас я тщетно пытаюсь найти тему для новой книги, а пока искала – работала на газету, публикуясь под псевдонимом. Свое настоящее имя я оставила литературе, самонадеянно мечтая стать знаменитой. Но как же часто, сидя в тишине маленькой квартиры, я предавалась унынию и думала, что все самое лучшее я уже создала и тот единственный роман – предел моих возможностей! Я ненавидела себя за эти мысли и знала: стоит окончательно им поддаться, они тут же пустят в голову ядовитые корешки, стремительно разрастутся, а любая дальнейшая деятельность будет отравлена ощущением собственной никчемности. Но чем больше я мучила себя, стараясь написать хоть что-то действительно стоящее, тем хуже получалось: смысл ускользал, размазываясь по банальному сюжету, и тонул в пустой болтовне героев. Я проводила вечера, просматривая критические обзоры на чужие произведения, и очень скоро даже разгромные рецензии начали вызывать во мне тянущее чувство зависти, поскольку неудачливый автор все равно считался талантливее меня: он-то закончил свою книгу, а я, по-хорошему, не начала.

Кофе сварился, покрывшись нежной коричневой пенкой; я аккуратно перелила его в чашку, вышла в гостиную и, подойдя к библиотеке, – большому дубовому шкафу, доставшему мне от предыдущих жильцов, – совершила ежедневный ритуал: медленно провела пальцем по рядам книг, упрасывая авторов поделиться со мной мастерством сочинять шедевры. Они никогда не отзывались сразу – мои любимые, гениальные, давно умершие люди, – а давали подсказки на страницах томов, испещренных словами. Стоило открыть один, и я забывала о времени, пробегая глазами по знакомым абзацам, находя в них новые оттенки, отмечая наиболее удачные речевые обороты и неизменно поражаясь силе искусства рассказывать истории. Я им недостаточно владела и от этого часто злилась, расстраивалась, но в душе лелеяла надежду, что со временем и у меня получится написать великий роман. Я не собиралась сдаваться, но пока в самом углу верхней полки скромно стояла единственная книга, на твердой красной обложке которой золотыми буквами было выбито мое имя и символичное заглавие: «Темнота». Именно в нее я погружалась каждый день все глубже и глубже, в бездонную темноту творческого кризиса и простого человеческого отчаяния.

– Ладно, хватит страдать, – сказала я вслух. – Беккер ждет статью к семи часам, а у тебя пока нет ничего, кроме набросков.

Рив Беккер – мой друг и начальник, главный редактор газеты «Мнение». Мы познакомились, когда я пришла на собеседование, держа в руках папку со своими публикациями в студенческом журнале и маленьком новостном издании города Калмси. Высокий, подтянутый, с постоянно взлохмаченными, чуть выющимися темными волосами и внимательным взглядом зеленых глаз, Рив оказался старше меня всего на десять лет. Он успел хорошо зарекомендовать себя в профессиональном сообществе, но занял ответственную должность сравнительно

недавно, поставив цель любой ценой сделать газету лучше. Он жестко и методично вносил изменения в работу редакции: безжалостно увольнял репортеров, халатно относящихся к обязанностям и не оправдывающих ожиданий, самостоятельно нанимал новых сотрудников и уделял особенное внимание их обучению, расширял тематику статей, искал новые формы подачи материала. Он убрал со страниц все рисунки, шаржи, карикатуры, оставив только строгие, но качественные фотографии и много текста. «В моей газете нет места для кривляний!» – сказал он, закрывая юмористический раздел, и «Мнение» превратилось в издание для серьезных людей. Но превыше имиджа, известности или заработка Рив заботился о правдивости и обоснованности публикаций. Все знали, что у него пунктик на эту тему и что он вытрясет всю душу из своих подчиненных, если будут сомнения в достоверности сведений. «Вы обращаетесь к людям напрямую, – внушал он нам на планерках, – ваши слова запоминают, обсуждают с соседями и пересказывают в очередях. Это накладывает на вас огромную ответственность! Каждый раз, прежде чем начать писать, подумайте, какую информацию вы хотите принести в этот мир!» Я думала, писала и хотела быть похожей на Беккера. Казалось, он не знает усталости, живет исключительно своим делом, частенько ночуя в редакции прямо за рабочим столом, но с ним газета без труда переросла формат простого источника новостей, вдвое увеличилась в объеме, стала самой читаемой в Лардберге и его окрестностях, а постепенно захватила и другие города. С каждым годом телевидение и новостные порталы в сети приобретали все большую популярность, но мы крепко держались на плаву. Я искренне считала, что только благодаря стараниям Рива Беккера и подобных ему трудолюбивых печатная пресса продолжает интересовать людей, но в глубине души знала: немалая заслуга в нынешнем успехе газеты принадлежит мне.

Беккеру понравилась моя манера изложения материала, поэтому, не откладывая в долгий ящик, он перезвонил и предложил место, но предупредил: работать на него сложно, и если я не желаю развиваться как журналист, то попрощаемся мы еще быстрее. Я рассмеялась и охотно согласилась на его условия. Энергии было хоть отбавляй: прежде всего, я жаждала признания, а кроме того, безумно влюбилась в своего шефа с первого взгляда. Я порхала по редакции, словно у меня выросли крылья, представляя будущее, полное романтики и славы, однако неделю спустя парочка репортеров поделилась слухами о насыщенной личной жизни главного редактора да посоветовала не слишком надрываться, ведь безотказных Рив моментально по уши заваливает поручениями. В тот день я узнала, что любить начальника – дурная затея, а мой энтузиазм заметно поутих. Остальное довершил вспыльчивый характер Рива Беккера, который настойчиво помогал умирать неуместным чувствам. Когда Рив бывал недоволен результатом, то критиковал жестко, не стесняясь в выражениях, и не раз я покидала его кабинет со слезами на глазах. «Опять разобиделась? – спрашивал он потом вместо извинений за свою грубость. – Но иначе ты не научишься! Поверь, никто не будет работать хорошо, если его гладить по голове да уговаривать постараться. Вот, посмотри сама, текст получился в разы лучше, чем та ерунда из твоего черновика. Видишь разницу? Колоссальная! А ты всего-то приложила чуть больше усилий и разобралась в проблеме. Разве это трудно сделать без моих напоминаний?» Да, поначалу трудности преследовали меня, желание уволиться из газеты возникало от одной сердитой команды Беккера: «Переделать немедленно!», но успокоившись, я наблюдала за ним, пыталась понять ход рассуждений, предугадать замечания. С этим человеком я могла получить бесценный опыт, поэтому, стиснув зубы, выслушивала язвительные комментарии, молча кивала, громко соглашалась, когда он того требовал, и убеждалась в очевидном: мне до него расти и расти.

Рив действительно нагружал меня все больше, но он же выступал в роли последовательного, пусть и не всегда терпеливого, учителя. Через три года именно он предложил мне попробовать писать еще и под псевдонимом. Точнее, не предложил – приказал. «Я не хочу постоянно печатать Марту Кержес, – объяснил главный редактор, возбужденно барабанив пальцами

по столу. – Безусловно, ты добила́сь некоторого успеха и читателям нрави́шься, они узнают твой стиль, но как автор ты застряла в одной точке, строчишь по шаблону. Хватит, пора идти вперед. Представь себя совсем другим человеком, с другим характером, внешностью, привычками. У тебя другой образ жизни, другие задачи и цели. Представила? Тогда покажи мне, кто ты! Давай-ка, шевелись, начинай прямо сейчас! Вот мы с тобой встретились, я тоже не знаю тебя, впервые вижу, и у меня уже есть Кержес! Ну и чем ты лучше нее или лучше всех тех журналистов, которые хотят попасть к нам? Удиви меня, заставь снова нанять именно тебя!»

Если Рива захватывала идея, он отдавался ей целиком и начинал кричать, не заботясь о том, что сотрудники редакции слышат каждое слово через тонкие стены кабинета. Мне не оставалось ничего иного, кроме как под сочувственные шуточки коллег сесть за рабочий стол и создать себе новую личность. После долгих размышлений появился Марк Риверс, суровый интеллектурал, критически настроенный ко всему; его имя, сложенное из букв наших с Беккером имен, сначала выглядело обычной шуткой, попыткой уколоть шефа за дурацкое задание, но уже через три недели я подписала так свою статью. Эксперимент удался, читатели Риверса приняли, и вскоре он окончательно заменил на страницах газеты молодую журналистку Марту Кержес. Мне так работать было даже проще.

По выходным я любила запира́ться в квартире, сочиняя рассказы, но это пришлось бросить, едва в голове зародился сюжет для полноценного романа. Я стала одержимо писать днями и ночами, будто кто-то того и гляди отнимет все мысли, жалела каждую минуту, потраченную впустую на обед, дорогу или сон, а когда упомянула об этом в разговоре с Ривом, он с каким-то неожиданным облегчением хлопнул себя по лбу и захохотал, но, отсмеявшись, горячо поддержал мою идею. Скорее всего, именно тогда он окончательно понял, что я чего-то да стою, начал вести себя тактичнее, сдержаннее выражать эмоции, а потом и вовсе взял меня под опеку. «Нужно беречь юный талант!» – провозглашал он, если я допоздна засиживалась за компьютером в редакции, и отвозил меня домой отсыпаться. Доброта не пропадала даром: я выкладывалась на все сто процентов, выполняя долг перед газетой. Так мы с Беккером преодолели основные разногласия, прониклись уважением друг к другу и даже сумели подружиться. Нас объединял страшный недуг: мы оба безнадежно помешались на печатном слове. Это было наше божество и проклятие; к нему мы взывали, его осуждали, но жить без него не могли.

Даже сейчас, работая по очередному заданию редакции, я улыбалась, вспоминая праздник в честь выхода моего романа. Беккер взял всю организацию в свои руки, а мне поручил веселиться и ни о чем не беспокоиться. Не знаю, чувствовала ли я себя хоть раз счастливее, чем в тот день, когда подписывала незнакомым людям экземпляры книги, принимала поздравления, отвечала на вопросы читателей. Кто-то постоянно обнимал и фотографировал меня, а еще мы пили шампанское, так много шампанского, что ближе к ночи Риву пришлось крепко взять меня под локоть и в очередной раз доставить домой. Когда я очнулась, уже перевалило за полдень; на тумбочке около кровати я нашла стакан воды и таблетку от головной боли, заботливо оставленные моим вчерашним рыцарем, а на подушке лежал листок бумаги, исписанный его размашистым почерком: «Ты мой любимый автор, Марта, и достойна быть знаменитой! Если снова начнешь сомневаться, знай, я всегда буду в тебя верить. Без вариантов».

У меня не было ни малейшего представления о том, что я успела разболтать ему под действием алкоголя. Кажется, назвала его чем-то вроде родной занозы в заднице, а он долго над этим смеялся, сочтя упрек за комплимент. Да и записка говорила сама за себя: дотошный Рив Беккер признал мой успех!

Я снова улыбнулась, но на этот раз от внезапно нахлынувшей грусти. Годы работы в газете не прошли впустую: я хорошо уяснила, как нужно подать материал, чтобы он понравился и читателям, и главному редактору «Мнения», поэтому слова в черновик статьи, который мне предстояло сдать через несколько часов, подбирались легко. Скучая перед ноутбуком, я взяла телефон и зачем-то обзвонила шестерых специалистов, попросила дать комментарии, задала

кучу вопросов, уточнила детали. Беседы вышли интересные, но веселее не стало: именно загруженность в газете мешала взяться за новый роман. Мысли расплывались по хрустящим страницам периодического издания, наотрез отказываясь складываться в серьезное произведение. «Вздор!» – оборвала я себя, но тут же уткнулась в экран, выискивая в тексте несуществующие противоречия, снова отодвигая мечту о книге на задний план. Почему-то выдумывать оправдания неудачам всегда гораздо проще, чем устранять причину.

С Беккером мы договорились встретиться на вечеринке, которую редакция устраивала для сотрудников и партнеров. «Потрудился – отдохни» – так звучал девиз мероприятия. А уж развлекаться мы умели: все сопровождалось оглушительной музыкой, танцами до упаду, фейерверками, изысканной едой и напитками. Многие в городе осуждали нас за расточительность, называли тунеядцами, нагло приказывали пожертвовать деньги в благотворительные фонды, а не проматывать в угоду собственным желудкам – редакция вообще часто получала письма с требованиями разного сорта – но были и те, кто упрашивал выдать им приглашения, ведь начинающие журналисты видели в этом шанс заполучить нужные контакты. Сегодня нас ждали в «Вернисаже», самом помпезном ресторане Лардберга. Отправив файл на печать, я взглянула на часы и обомлела: день пролетел, времени на сборы оставалось мало.

Я вызвала такси и побежала одеваться. Новое платье цвета зимней ночи, тонкие чулки, туфли на шпильках и яркий макияж – что может быть лучше? Непослушные волосы я заколола в высокий хвост, открыв шею и выпустив несколько волнистых прядей около лица. Платье выгодно контрастировало с белизной кожи, украшенный пайетками лиф сверкал при каждом движении. И почему блондинкам не рекомендуют носить темное? При правильном выборе оттенка мы выглядим не уставшими или болезненными, чего обычно боятся женщины, а наоборот, загадочными и утонченными. Я надела сапфировые серьги, доставшиеся в наследство от бабушки, оглядела себя в зеркало и подмигнула отражению. Вот бы всегда так ходить, даже в магазин. Жаль, в Лардберге перестали ценить шелк, тафту и органзу, променяв их на скучные ткани деловых и спортивных костюмов.

Невесть откуда появившиеся тучи начали стремительно затягивать горизонт, и очень скоро все кругом посерело, не оставив и следа от нежности желтой осени. Когда я добралась до «Вернисажа», на улице стало еще темнее. Около ресторана курила шумная пьяная компания. Мужчины веселились, пытались вальсировать со своими дамами, отводя подальше руки с дымящимися сигаретами, и казалось, их пляски, как в древние времена, способны вызвать дождь. Я поздоровалась с Генри Уордом, нашим лучшим корреспондентом, и поспешила ко входу по дорожке, огороженной низенькими фонариками. Внутри ресторана было жарко и душно: здесь явно собралось гораздо больше народу, чем обычно, и вентиляция не справлялась. Хрустальные люстры – гордость владельца и мечта антиквара – впервые со дня открытия никого не интересовали. Они жались к потолку гигантскими гроздьями, уступив свои обязанности гирляндам. Паутина скромных лампочек закрывала стены, оплетала окна, но света не хватало, и вместе с людьми в зале плясали огромные тени, создавая эффект торжества при свечах. Оркестр на сцене играл джаз, по периметру стояли фуршетные столы, официанты шустро перемещались среди гостей, разнося бокалы с вином. Можно долго упрекать тех, кто стремился сюда попасть, но нам всем порой нужна типичная сказка о красивой и беспечной жизни.

Пока я высматривала в толпе знакомые лица, ко мне подлетела Лили, помощница главного редактора, она же организатор всего этого действа. Невысокий рост, черные, коротко стриженные волосы и множество цветных татуировок на руках делали ее похожей на бунтующего подростка, несмотря на элегантное черное платье. Но внешность обманывала: Лили заслуженно считалась настоящим профессионалом в своем деле, а кроме того, умела обезоружить оптимизмом даже самого последнего скептика.

– Марта, ну наконец-то ты появилась, – обвиняюще затараторила девушка, целуя меня в обе щеки, – мы тебя заждались!

– Шеф сказал приезжать не раньше восьми. – Я обняла Лили за плечи. – Все претензии к нему.

Я успела понять, что вечеринка в самом разгаре, но придумать, почему Беккер пригласил меня позже других, не могла.

– А-а, понятно, – протянула Лили и засмеялась. – Он опять напутал, хотя я раз десять напоминала. Пойдем скорее, Рив хочет представить тебя нашему гостю. Кажется, это потенциальный инвестор.

– У нас появился новый инвестор? – я вытаращила глаза в удивлении.

Странно, что я об этом ничего не слышала. Сплетни по редакции обычно распространялись со скоростью света, но сейчас либо все держали в строгой секретности, либо я окончательно перестала обращать внимание на болтовню коллег у кофеварки и пропустила мимо ушей обсуждение очередного бизнесмена, одержимого мечтой управлять новостями.

– Да ты с луны свалилась, что ли? – миниатюрная девушка засмеялась еще громче. И как ей удавалось делать это так мелодично, нежно, будто колокольчик позвякивает? – Все давно на ушах стоят. Один богач подумывает вложиться в нас, ну или вообще выкупить газету у издательства. Информация гуляет разная. Издатель молчит, слухи не опровергает.

– Помощников его спрашивала?

– Первым делом позвонила. Говорят, Рив постоянно торчит у них на этаже. Зачем – никто не знает. А теперь, вот, этот Макс появился. Ох, Марта, – Лили закатила глаза, мечтательно вздохнула и потянула меня за собой сквозь толпу гостей, – наверно, он самый красивый мужчина в мире!

– Если выкупят газету, Рив останется? – поинтересовалась я, не слишком беспокоясь об ответе. Беккер вряд ли без боя отдаст кому-то свое место: он любит работу, хотя и высоко ценит независимость.

– Попробуй допросить их сама!

Мы вышли в дальний конец зала, и я увидела, куда, а точнее, к кому тащила меня Лили.

Около барной стойки, тяжело облокачиваясь на нее одной рукой, стоял Рив Беккер. Он хмуро разглядывал виски в стакане и выглядел уставшим: вертикальная складка разрезала лоб пополам, уголки тонких губ опустились вниз. Выражение его лица вкупе с небритостью и слабым освещением прибавляло к возрасту несколько лет. Сегодня Рив решил нарушить правила вечернего дресс-кода, которые сам когда-то установил, и пришел в обычном рабочем пиджаке и джинсах. Рядом с ним, спиной к стойке, сидела симпатичная длинноволосая блондинка в настолько открытом розовом платье, что называться одеждой оно могло с очень большой натяжкой. Внешность гостьи никого не удивляла: несмотря на суровость Рива, около него крутилось много женщин, ведь он был хорош собой, успешен и все еще холост. Но когда я перевела взгляд на третьего человека, то в ту же секунду поняла, о чем говорила Лили. Самый красивый мужчина в мире, сказала она, и, положив руку на сердце, я с ней согласилась. Лицо незнакомца отличалось мягкими чертами и полными чувственными губами. Высокий, светловолосый, отлично сложенный, он посмотрел прямо на меня ярко-синими глазами, широко улыбнулся и поднял стакан в приветственном жесте. Он точно знал, какое впечатление производит на людей, и наверняка умел добиваться всего, чего пожелает, одной улыбкой. Особенно от незамужних женщин.

– С ума сойти! – Я покосилась на Лили. – Неужели так бывает?

– Поверь, я уже два часа задаю себе этот вопрос! – Она закатила глаза и снова звонко рассмеялась.

– А, Марта, наконец добралась. – Рив обернулся и увидел нас. – Макс, позвольте представить вам Марту Кержес.

– Макс Колман. – Инвестор изящно наклонил голову, взял мою руку и поднес к своим губам, пристально глядя мне в глаза. – Я очень рад с вами познакомиться, Марта.

От его низкого хриповатого голоса по спине вдруг побежали мурашки, но ничего приятного в них не было, скорее наоборот: находиться рядом с этим человеком почему-то стало крайне неудобно. Лили, издав короткий, больше похожий на вздох сожаления смешок, растворилась в толпе.

– Добрый вечер, – пробормотала я, пытаюсь скрыть смущение, и обернулась к Риву в поисках поддержки, но тот не понял мой взгляд и потопил еще глубже.

– Я уже рассказывал про успехи Марты в литературе, – начал Беккер, однако инвестор перебил его.

– Да-да, помню, я читал вашу книгу, Марта. – Крепкая рука все еще сжимала мою. – Если честно, я предпочитаю другие жанры, уж извините, но должен заметить, что вы невероятно талантливы! Как вам удалось так глубоко раскрыть характеры героев? Вы, должно быть, отлично разбираетесь в людях?

Вежливо улыбнувшись, я пожала плечами и честно призналась:

– Совсем не разбираюсь. Понимаете, когда долго работаешь над рукописью, герои ожидают и сами рассказывают свои истории. Мне же нужно успевать записывать. Ну, и вычеркивать лишнее, разумеется.

Девушка в розовом громко фыркнула, поставила на стойку опустевший бокал и приобняла Рива за плечи. «Эти писатели ужасно скромные, да, дорогой?» – вкрадчиво произнесла она, насмехаясь надо мной. Рив бросил в ее сторону яркую улыбку и снова отвернулся. Та хотела добавить что-то еще, но передумала, выпрямилась на стуле, закинула ногу на ногу и принялась оценивающе разглядывать мое платье.

– Неужели так просто? – спросил Колман. – Может, и мне написать какой-нибудь роман? Самое время, как считаешь, Беккер?

– Попробуйте, – ответила я. – Но учтите, это заберет у вас месяцы, а то и годы жизни, вы будете разом обожать и ненавидеть своих героев, а в результате останетесь недовольны собой.

– Почему же?

– Отправив рукопись в издательство, вы решите, что могли бы и лучше, а значит, недостаточно старались и все вокруг об этом знают. Такова плата.

– Ха, теперь понятно! – Придвинувшись вплотную, Макс смотрел на меня сверху вниз. – Да, герои у вас вышли неоднозначными, им не очень-то хочется сочувствовать, но это цепляет. Знаете, ведь добряков никто не любит, читать про них – скука смертная. Но в вашем мрачном семействе все похоже на простых людей, примерно как мы с вами. Они ждут счастья, не знают, как правильно поступить, принимают неверные решения, потом пытаются исправить то, что натворили, но становится только хуже. Браво, Марта! Я все терялся в догадках, кто же та женщина, которая так хорошо чувствует человеческую душу, а теперь, к моему удовольствию, вижу вас настоящую, да еще чертовски красивую.

Последние слова он прошептал мне прямо в ухо. Я еле сдерживалась, чтобы не вцепиться Максиму по щеке. Ничего оскорбительного не прозвучало, и в таких случаях правильнее всего улыбаться и принимать комплименты, но интонации Колмана, прикосновения и резкое сокращение дистанции между нами выводили из себя. В его поведении читался совершенно недопустимый подтекст: нет, он не надеялся понравиться, но своей близостью и лестью словно норовил в мгновение ока влезть мне под кожу, выведать самые интимные тайны. Его присутствие давило, сковывало, угнетало, и я, забыв о манерах, сделала шаг назад, неловко наткнулась на кого-то спиной, но выдернула руку из цепких пальцев инвестора.

Колман ослабил в ухмылке и тоже отстранился.

– Что бы вы хотели написать обо мне, а?

Он взял со стойки стакан, услужливо наполненный барменом, сделал большой глоток и слегка поморщился, не отрывая взгляда от моего рта. У меня разболелась голова и желание разговаривать с ним испарилось окончательно. Надо бы найти компанию поприятнее, причем немедленно! Я оглянулась на остальных: блондинка весело качала ногой, обутой в изящную туфельку с вырезом на мыске, и смеялась уже в открытую. Она не надела на вечеринку никаких украшений, почти не наредила лицо, да и платье ее, сшитое из мягкой ворсистой ткани, смотрелось странно. Как полотенцем обмоталась после душа: соблазнительно, но крайне неуместно. Девушка снова наклонилась к Риву и начала что-то оживленно нашептывать ему, а тот хмуро гладел в стакан, изредка поддакивая своей подруге. Эй, Беккер, чуть не сказала я вслух, чего стоишь столбом? Виски вообще-то принято пить, а не гадать на положении кубиков льда, как ты! Он перехватил мой взгляд, сощурился, предупреждая: инвестор ждет ответа и мне следует быть поделикатнее.

– Вы, Макс, – сухо произнесла я, – далеко не тот простой человек, которым пытаетесь себя выставить. Вы никогда не сомневаетесь в своих решениях и привыкли добиваться любых целей, идя к ним напролом и совершенно не беспокоясь о чувствах или репутации окружающих.

– Многовато слов, моя милая. Назвали бы сразу социопатом, и дело с концом!

Несколько секунд все потрясенно молчали, даже нога полураздетой блондинки перестала изображать маятник, а потом Колман растянул рот в улыбке и громко захохотал:

– С ума сойти, Беккер, ну и сотрудники у вас! Если я с ней опять заговорю, она меня просто побьет! Не за этим я ехал из Сарфелда! Как вы вместе работаете?

– Прекрасно работаем. – Рив бросил на меня жесткий взгляд, но почему-то слегка улыбнулся. – Марта способна на многое, правда, иногда чересчур увлекается!

– Простите, шеф, – ответила я. – Но ваш гость выбрал не самый лучший способ польстить автору, отзываясь о его книге цитатами из журнальной рецензии. Увы, Макс, тот номер до сих пор валяется у меня дома. И пока настроение у всех не испортилось, я удаляюсь. Умираю от голода!

Никто не стал возражать. «И о чем только Рив думает, – возмущалась я про себя, машинально здороваясь и улыбаясь знакомым, пока шла через зал куда-нибудь подальше от барной стойки, – почему он не защищает нас от посягательств всяких гнусных богачей? Дела и так идут хорошо, мы в состоянии сами справиться!» Передо мной возник поднос с шампанским, я схватила бокал, сделала большой глоток и только тогда остановилась, вспомнив, что собиралась поесть.

Еду сегодня заказывала Лили. Она считала себя истинным гурманом, обожала необычные сочетания вкусов и частенько угощала сотрудников редакции чем-то, на первый взгляд, совершенно несъедобным. Вдобавок она устраивала голосование: если блюдо получало одобрение большинства, его-то и стоило ждать на следующей вечеринке, но без сюрпризов тоже не обходилось.

Я дважды прошла вдоль вереницы закусок, выбрала самую безобидную на вид тарталетку и покрутила ее в пальцах. В тонкой корзиночке из слоеного теста изящно свернулся полупрозрачный ломтик вяленого мяса, под ним просматривался плотный мусс, а со дна выглядывали остроконечные листики зелени, напоминающие сельдерей или петрушку. Я положила тарталетку в рот и медленно разжевала. «Нельзя торопиться, когда пробуешь новое, – обычно говорила Лили, потчужа нас своими гастрономическими открытиями, – так теряется удовольствие от еды. Нужно откусить маленький кусочек и хорошенько на нем сосредоточиться. Сначала может показаться, что ингредиенты плохо сочетаются между собой, но всегда стоит помнить правило: лучшие шеф-повара во всем мире работают не зря, поэтому нужно дать себе время привыкнуть, разобраться во вкусе. И если распробуешь, то обратной дороги уже не будет».

Следя за пляшущими огоньками гирлянд, я пыталась определить, что же ем. Мясо таяло на языке, а мусс, полностью разгадать состав которого не получилось, сильно отдавал речной рыбой. Но главную партию в этой троице играла зелень, и она повергла меня в настоящий шок. Сладковатый и свежий вкус по мере разжевывания менялся, превращаясь в острый, затем насыщенный пряный, и оставлял долгое горьковатое напоминание во рту.

– Кто это придумал вообще? – пробормотала я и захохотала.

Определиться, нравится мне вкус зелени или нет, стало важнее всего, я даже забыла про стычку с инвестором и собралась искать в зале Лили. Мне не терпелось расспросить ее подробнее, узнать, может быть, к тарталеткам полагается особенный соус, или ими принято закусывать крепкие напитки, или здесь положены еще какие-нибудь гурманские штучки. Но, обернувшись, я увидела Рива, который шел прямо в мою сторону; судя по выражению его лица, мне предстояло объясниться за непочтительное поведение с важным гостем.

«Да черт с ними!» – подумала я, не уверенная, к чему точно относится эта мысль, отправила в рот вторую тарталетку и снова рассмеялась, чуть не подавившись, когда Рив схватил меня под руку.

– Совсем сдурела, Марта? – прошипел он. – Почему ты ведешь себя с Колманом как, как... – Беккер запнулся, подбирая слово, а я удивилась неожиданной паузе, зная, до чего красочно умеет ругаться наш главный редактор. Но сейчас он стушевался, пришлось подсказать.

– Как последняя гадина, да, дорогой? – Я захлопала глазами, изображая его новую подругу, и улыбнулась настолько ослепительно, насколько вообще умела. – Ну же, не злись, твой Колман наглый, заносчивый и во всех отношениях примитивный персонаж. О нем бы я точно писать не стала.

Рив шумно выдохнул, выпустил мою руку, и его взгляд потеплел. Буря миновала, не успев начаться.

– Послушай, – сказал он примирительным тоном, – этот человек подумывает вложить в мой проект кучу денег, а я слишком долго ждал подходящую возможность и не намерен упускать ее. Ну не читал он твою книгу, ну решил прихвастнуть, с кем не бывает? Зачем кидаться с обвинениями на каждого, кто тебя обхаживает?

– А-а, ты заметил! – протянула я, подмигнув ему. Очень хотелось подразнить, стереть усталое, озабоченное выражение глаз, которое так портило его внешность. – Мне показалось, ты болтал со своей длинноногой подружкой, разве нет?

Я взяла со стола очередную тарталетку: они определенно начинали мне нравиться.

– Это не подружка, – пробурчал Рив и тут же сменил тему. – А что ты ешь? Выглядит странно!

– Ты еще не попробовал?! – воскликнула я. – Беккер, да ты просто обязан съесть хотя бы одну.

С этими словами я засунула тарталетку прямо ему в рот, несмотря на то, что Рив не признавал кулинарных изысков, предпочитал простую, сытную еду, а самым лучшим изобретением человечества называл большой сочный стейк средней прожарки.

– Какая мерзость, Марта! – скривился он, ища глазами, куда бы выплюнуть невкусную тарталетку. – Зачем ты мне ее дала?

Глядя на перекосившееся лицо Рива, я снова расхохоталась и протянула ему бокал шампанского, который он тут же осушил до дна.

– Ничего смешного, – сказал Беккер, вытирая рот рукой. – Еще раз спрашиваю, что это такое?

– Мясо, рыба, а дальше понятия не имею, – простонала я, согнувшись пополам от смеха, – но обязательно найду твою помощницу, все выясню, накоплю побольше и сделаю салат! Я с тобой поделюсь, честное слово!

Рив закатил глаза, но не выдержал и засмеялся вместе со мной:

– Надо запретить Лили заказывать еду для других людей, пусть сама этим питается, если ей нравится. Ну или сочетания получше выбирает. – Он огляделся по сторонам, словно прятался от кого-то. – Ты статью привезла? Пойдем отсюда и наконец-то поедим нормально, я тоже голоден.

– Серьезно? – удивилась я. – Хочешь первым сбежать со своей вечеринки, бросив тут Колмана в компании с ужасно милой девушкой? Как, кстати, ее зовут? Ты забыл нас представить.

– Не беспокойся, гости сумеют себя развлечь. – Рив не ответил на последний вопрос. Он снова огляделся и хлопнул в ладоши, все решив за нас обоих. – Здесь есть хороший паб неподалеку, там и поужинаем. Где твои вещи? Собирайся, жду на улице.

Беккер моментально исчез, а я съела еще пару тарталеток, допила шампанское и пошла в гардероб за пальто, где столкнулась с Лили.

– Уже уходишь? – пропела она. – Но ты пропустишь фейерверк!

– Я устала сегодня и вообще не люблю долго находиться в шумных местах, ты же знаешь, – пришлось оправдываться мне. – Но, скажи, пожалуйста, что это за тарталетки на столе слева от бара? В них листочки необычные...

Я растерялась, заметив хитрый взгляд и улыбку Лили.

– А-а-а, теперь понятно, кто подсунил их шефу. А я-то удивлялась, зачем он вообще их в руки взял, там же рядом стоят стандартные закуски, специально для него заказывала. Марта, прекращай так шутить, из-за тебя он мне чуть голову сейчас не открутил. – Она схватила себя за шею и высунула язык. – Веришь ли, вышел на улицу, угостил сигаретой и давай меня отчитывать за эти тарталетки, а сам смеется как ненормальный. Жуткое зрелище!

– Прости, Лили, на самом деле он не злится.

– Да знаю я! Никто не может злиться, когда ест зелень. Любисток, кстати, довольно вкусный, если потрудиться распробовать.

– В следующий раз съем весь до последнего листочка! – пообещала я. – Спасибо за вечер, дорогая, нам так с тобой повезло!

Лили легко поцеловала меня в щеку и упорхнула – черная бабочка, подхваченная веселым разноцветного роя. Я посмотрела ей вслед, подняла воротник пальто, собираясь уходить, как вдруг заметила в толпе Макса Колмана: он неподвижно стоял среди танцующих людей, его острые глаза опять не отрываясь следили за мной. В другой стороне зала в точно такой же позе стояла девушка в розовом платье. Зачем-то я помахала странным гостям на прощание. Они не ответили.

Рив успел поймать такси и в одиночестве курил около ресторана, подставив лицо мелким каплям дождя; я тоже запрокинула голову, обрадовавшись свежему влажному воздуху после невыносимой духоты ресторана. Идея уехать раньше всех еще никогда не казалась настолько удачной, даже головная боль прошла. Рив открыл заднюю дверь машины.

– Любисток, – отчеканил он, выбрасывая окурок на асфальт. – Эта трава называется любисток.

– А знаешь, Беккер, – ответила я, усаживаясь в такси, – мне все понравилось. Просто я съела больше и точно знаю, о чем говорю.

– Поверю на слово, – он захлопнул дверь, обошел машину и сел рядом со мной. – А теперь позволь накормить тебя настоящей едой!

Паб, в который мы приехали, не имел вывески на фасаде и оказался тесным, шумным, но очень уютным, будто внутри собралась большая дружная компания старых знакомых. Везде царил полумрак: теплый электрический свет от ламп, висящих над столами, приглушали плотные зеленые абажуры. Темные стены были хаотично увешаны фотографиями, декоративными ложками и картинками в деревянных рамах. Мне сразу понравилась камерная обстановка, а восхитительный запах, тянувшийся из кухни, и вовсе заставил забыть про угощения в «Вер-

нисаже», поэтому я улыбалась во весь рот, пробираясь следом за официанткой по узкому проходу. Некоторые посетители с любопытством на меня поглядывали: вряд ли сюда часто заходили люди в вечерних нарядах.

Мы удобно устроились друг напротив друга; Рив, не глядя в меню, попросил принести самые нежные на вкус шеф-повара стейки, острый перечный соус, запеченный картофель и темное пиво. Прожарка мяса, разумеется, средняя.

– А теперь честно выкладывай, почему ты взъелась на Колмана, – потребовал он, понизив голос и подавшись вперед, чтобы не посвящать в наши дела окружающих. – Опять ты за свое?

Я подождала, пока официантка поставит перед нами стаканы с холодным стаутом, сделала глоток и откинулась на спинку стула, поражаясь умению Колмана врезаться в память. Впечатление от встречи с ним не развеялось по дороге из ресторана; мы с Ривом оба притащили его с собой в полутемный паб и посадили третьим за стол. Чуть отвлечешься, неудачно повернешь голову – сразу померещатся светлые волосы или мягкий профиль. Через секунду ошибка станет очевидной, но желание снова и снова убеждаться в ней останется. С этим мужчиной нельзя по-другому: он насквозь пропитался фальшью, а еще меня волновали его глаза. Их необычно яркий оттенок украшал и без того привлекательное лицо, но стоило Колману выйти из образа всеобщего любимца, как взгляд становился ожесточенным, наполнялся презрением к людям от бесконечного ощущения собственного превосходства. Мне очень хотелось поделиться с Ривом наблюдениями, но тот бы просто посмеялся надо мной да назвал чересчур впечатлительной. Если человек приятен, достаточно сказать лишь: «Он мне нравится», когда неприятен – нужны весомые аргументы.

– Не люблю, когда посторонние грубо нарушают мое пространство, – объяснила я. – Если чьи-то действия для меня неприемлемы, считаю необходимым дать это понять. И Колман ошибся, можно обойтись без драки.

– Ну, ты явно ему приглянулась, а теперь еще задела его самолюбие. – Беккер дернул щекой и торжественно поднял стакан. – Молодец, Марта! Я не удивлюсь, если он будет и дальше искать с тобой встреч.

– Ты совсем сдурел, Рив?

Официантка ловко расставила на столе тарелки, пожелав нам приятного аппетита. Я взяла нож с вилкой и разрежала ароматный стейк пополам. Он был идеально прожарен: кроваво-красное в самом центре, насыщенное соком, мясо плавно меняло свой цвет, бледнея к краям, покрытым плотной коричневой корочкой. Я положила небольшой кусочек в рот и даже зажмурилась от удовольствия. Рив не притрагивался к еде, терпеливо ждал, пока я прожую, но сидел с победным видом, твердо уверенный, что правильно выбрал место для ужина.

– М-м, безумно вкусно! – простонала я. – Нет, прекрати уже улыбаться. Это не считается, ты знал, что здесь великолепно готовят.

Его ухмылка стала еще шире.

– Ага, можешь сколько влезет жевать горькие листья, но покорить тебя способно только хорошее мясо. Твои вкусы я давно изучил, и не очень-то они от моих отличаются. Успокойся, я не выдам посторонним страшную тайну!

– Рив, прекрати меня донимать, – серьезно сказала я. – Мне не интересен ни Колман, ни его встречи, ни сомнительные комплименты. Такая навязчивость раздражает.

– А какая нравится? – весело спросил Беккер. – Что плохого в мужском внимании? Ты вообще бывала серьезно влюблена? Мы знакомы семь лет, а я ничего не знаю о твоей личной жизни.

– Зато о твоей всем известно, – парировала я, намекая на девушку, которая сидела с ним в «Вернисаже».

– О, только никогда не ставь на это деньги, иначе задолжаешь зарплату на много лет вперед! И хватит менять тему, речь сейчас о тебе. – Он сделал знак официантке, показывая на наши стремительно пустеющие бокалы.

Я отправила в рот следующий кусочек стейка, пока он не остыл. Говорить о прошлых чувствах к Беккеру не входило в мои планы. С другой стороны, вся та история – шанс вспомнить первые, тяжелые недели работы и вместе посмеяться над давними проблемами. Почему бы и нет? Я решила сказать правду, вытянула вперед левую руку и помахала двумя пальцами перед носом собеседника.

– Дважды, если не считать мимолетных увлечений. Первый раз я влюбилась в институте. Меня выбрал самый красивый и отвязный парень на нашем курсе, представляешь, какая честь? Устоять невозможно! Мы встречались целых три года, потом он нашел другую, а через неделю уехал с ней куда-то очень далеко вслед за мечтой о лучшей жизни. Но со мной попрощаться забыл.

– Отвратительно! – Рив поморщился. – Как его звали?

– Неважно, у него больше нет имени, – отрезала я и, переходя к сложной части рассказа, почувствовала, как кровь приливает к щекам. Горло внезапно пересохло, мешая говорить беззаботно и четко, поэтому пришлось откашляться в кулак, сделать пару глотков пива, и только тогда получилось бодро, ни разу не сбившись, выпалить: – А второй раз я была влюблена в тебя, несколько месяцев страдала. Правда, смешно?

Ответа не последовало. Казалось, люди вокруг тоже притихли, застыли и ждали вместе со мной. Конечно, никто не обратил внимания на разговор двух людей в углу, не оглянулся, не присвистнул удивленно, не отвесил едкий комментарий. Все продолжали болтать о своем, шутить, спорить, произносить тосты за встречу, обсуждать дела, мировые новости и футбольные матчи, но для меня шум переполненного паба отошел на задний план, уступив место тяжелому молчанию Рива. Его не позабавило мое признание, Беккер не мигая смотрел мне прямо в глаза, и впервые за много лет я боялась даже предположить, о чем он думает.

– Б-была? – запинаясь, спросил он и еле слышно добавил: – Я не знал.

Ну конечно же не знал. Приходилось тщательно скрывать чувства и от него, и от других коллег, ведь одно неосторожное слово могло выдать меня, а Рив крайне неодобрительно относился к служебным романам, и тем женщинам, у которых хватило глупости попытаться изменить это, проявить излишнюю симпатию к нашему главному редактору, пришлось искать место в других изданиях. Да я в жизни не достигла бы своего положения, если бы старалась привлечь Беккера чем-то, кроме хорошо проделанной работы. Почуввав неладное, он бы сразу выставил меня на улицу, лишь бы избавиться от неловкой ситуации.

– Расслабься, – сказала я. – Это тебе наука на будущее: если берешь на работу наивную девчонку, будь готов к такому повороту событий. На твое счастье, с тех пор прошло много лет, а я выросла, хотя, возможно, ты не заметил.

– Да, ты выросла, – уставившись в тарелку, медленно произнес Рив совершенно чужим, глухим голосом. – Я заметил. Отлично помню тот момент. Ты шла мимо редакции вечером, одна, и улыбалась сама себе. Я раньше не видел у тебя такого выражения лица. Ты выглядела очень вдохновленной и настолько погрузилась в мысли, – он покачал головой, вспоминая, – что прошла в двух шагах от меня, а я не посмел окликнуть. До сих пор не понимаю почему: то ли не хотел разрушить иллюзию, то ли боялся тебе помешать... Но через несколько дней ты рассказала про свою книгу. Ты так стеснялась, думала, я не пойму, начну отговаривать или чего похуже... Ох, Марта, возможно, именно в тот вечер тебе пришли в голову первые идеи. Пусть это будет так, иначе все напрасно. Хотя я часто спрашиваю себя, что бы было, позови я тебя тогда.

Он замолчал и низко опустил голову. Я понятия не имела, о каком вечере говорил Рив, но от его слов стало не по себе, в груди появилось тянущее ощущение, будто бы взаимные

откровения приподняли плотную завесу, за которую мы оба боялись заглядывать. «Не смей, не смей!» – захотелось мне крикнуть ему, разрушить молчание, которое смущало и тревожило, но я не смогла произнести ни слова.

– В одном Макс точно прав, – наконец сказал Рив. – Я тоже удивлялся тому, как детально прописаны герои книги. Откуда такие познания?

– О чем ты? – я медленно возвращалась из раздумий, пытаясь сосредоточиться на новой теме разговора.

– Да брось, Марта, ты же не видишь ничего вокруг, – резко бросил он. – Люди из всех сил тянутся к тебе, а ты едва достаиваешь их вниманием. Ты вежливая, обходительная, но это обычная маска: ты держишь всех на расстоянии, никому не можешь открыться. Сама посуди, тебя обожают читатели, друзья, коллеги, а ты будто бы считаешь это ерундой, и оценить тебя должны будут когда-нибудь потом, за гораздо большие заслуги. И лучше не тебя, а вообще, кого-нибудь другого. Ты не хочешь понять, что есть те, кто любит тебя прямо сейчас, и не все готовы ждать годами, пока наступит твое идеальное потом. Ты во всем такая, и я не понимаю почему! Тебе приходят в голову отличные идеи, а ты большую часть отбрасываешь, даже не проработав. И к себе так же относишься. Совсем не ценишь. Вот скажи, ты обратила внимание, как весь паб смотрел на тебя, когда мы пришли?

– Да, – уныло пробормотала я.

– И о чем подумала? Только ответь честно.

– Мое платье не подходит для этого места, – призналась я неохотно.

Рив удовлетворенно кивнул, наклонился вперед и постучал пальцем по столу:

– Вот именно! – он постучал еще раз. – Платье! Да людям плевать на платье, будь оно хоть самым лучшим в мире. Они смотрели на тебя, Марта! Без тебя любое платье – тряпка!

– Прекрати кричать, – зашипела я, – на весь зал слышно! Чего ты хочешь от меня? Сам знаешь: я не всегда придаю значение своим успехам, но на этот раз все куда сложнее! На этот раз мне страшно, Рив! А вдруг ничего не выйдет? Вдруг я напишу ужасную книгу и все испорчу? Вдруг тот успех – случайность, простое стечение обстоятельств? Я не собираюсь останавливаться на достигнутом, просто нужно время! Нужна идея, по-настоящему отличная идея, одна удачная мысль, а ее-то и нет.

Нервы накалились до предела. Вместо жизни мне подсунили фальшивку. Так не должно быть.

Я швырнула вилку на тарелку. И почему я оправдываюсь? Моя ненаписанная книга касается только меня и никого другого, запомни ты это, Беккер, заруби на носу и не лезь ко мне больше! А если память сбоит – запиши в ежедневник или на лоб себе приклей бумажку! Легко тебе изводить подчиненную: и работай, давай, почти без выходных, и тут же книги сочиняй, да побыстрее, а то я заждался! И полюбезничай со всякими денежными мешками, и по сторонам смотри внимательнее, когда по улице идешь, вдруг я где-то рядом, в двух шагах, а то я потом брошу вот так невзначай: «Ах, что бы у нас могло быть, давай-ка подумаем!» Ничего не могло, ты сам виноват в этом!

Рив сидел, обхватив голову руками. Я физически ощущала его паршивое настроение: воздух вокруг нас словно наэлектризовался и впивался в мое тело сотнями тончайших иголок.

– Скоро вернусь, – сказала я, поднимаясь. – Надо проветриться, иначе мы разругаемся.

Я очень злилась на Беккера, пока шла между столиками к выходу, и от этого снова разболелась голова. Что-то невыносимо кололо в самый мозг, глаза резал даже тусклый свет паба, звуки музыки и громкие голоса подвыпивших посетителей едва достигали моих ушей, сердце бешено колотилось. «Да кем он себя возомнил? – думала я, напрасно пытаюсь успокоиться. – Разве можно так обращаться с друзьями или кто мы там друг другу?» Я глубоко вдохнула и сжала кулаки, сдерживая подступающие слезы, этих прозрачных предателей, подлых солнечных доносчиков. Не хватало еще расплакаться у всех на виду, у него на виду. «Нет-нет, все

в порядке, ничего особенного не случилось, – уговаривала я себя, – ну повздорили немного, не впервой, помиримся». Но внутри уже бушевал ураган, он разламывал меня на куски и, всюю звеня ими как легкими осколками, уносил их куда-то вниз, под ноги, и еще ниже, в крошечную тьму. Под ней не было ничего: все уничтожил этот ураган, а взамен мне досталась лишь бесконечная черная пустота. На воздух, быстрее на воздух, нужен выход, кто-нибудь знает, где здесь выход? Здесь вообще есть кто-нибудь? Я в отчаянии обернулась, ища глазами Рива, но вместо знакомого лица увидела мощные разноцветные потоки, расползающиеся во все стороны. От неожиданности я пошатнулась, но оторвать взгляд уже не смогла, и тогда потоки начали вливаться в меня, словно в бездонный сосуд, предназначенный специально для них. Они заполняли тело изнутри, разливались по венам, встраивались в кости, облепляли кожу плотной массой, мешая пошевелиться, но я и сама тянулась к ним, жадно впитывала их и на мгновение почти перестала дышать, превращаясь в один из потоков. Его полотно показалось сотканным из прочных нитей. Каждая переливалась сотнями оттенков и находилась в постоянном движении. Нити быстро сменяли друг друга, проникая в самую глубину потока и вытекая измененными, раз за разом совершая бесконечные циклы преобразования. Я поплыла по сверкающему течению, мечтая прожить остаток дней в этом наваждении, ведь ничего прекраснее я еще не видела. Вперед, вперед, что же мелькает там, за огнями? Где-то вдалеке появился смутный силуэт хрупкой женщины в синем платье. У нее было мое бледное лицо, мои волосы, моя фигура, и почему-то я не знала никого красивее. Я любовалась ей восторженно и умиленно, сожалея лишь о том, что никогда не смогу стать хоть немного на нее похожей. Она скорбела о чем-то, а у меня сжималось сердце от бремени несчастья, хотелось громко закричать, встряхнуть ее и прогнать тяжелые мысли, но желание быстро исчезло, а внутри раскрылось ясное понимание, узнавание того, кто смотрел на меня. Эти нити шли от Рива, а я видела мир его глазами. Все тут же встало на места. Волна чужой внутренней силы накрыла меня с головой, и я возликовала, упиваясь ею. Я веселилась и смеялась в голос, но не слышала ни звука. Ощущение силы внезапно пропало, теперь во мне мощно пылал гнев: Рив злился и на меня, и на самого себя, но это быстро затерялось среди вереницы лиц, проносящихся мимо. Кто они такие? Может быть, я вошла в воспоминания Рива, а может, это гости паба, сидящие вокруг, но постепенно лица сменил яркий свет. Что-то пряталось в нем! Что-то очень сильное, долгое время тщательно запрятываемое в такие глубины души, что само его существование превратилось в постоянную борьбу с железной волей Рива. Я улыбнулась: сейчас-то Беккер проигрывал, а его тайна из всех сил рвалась на свободу. С каждым мгновением свет разгорался все ярче и быстрее, как лесной пожар на ветру в жаркий день. Я не могла разобрать смысл видения, тянулась дальше, беззвучно крича: «Отпусти, отпусти, Рив, покажи мне», – и погружалась все глубже и глубже в бесконечность чужой сущности. Мне казалось, еще немного – и я смогу ухватиться за нужную ниточку, распутать ее, пройти по ней невидимыми пальцами, и тогда наконец-то узнаю, кто же такой Рив Беккер.

– Марта, Марта, очнись! – раздалось где-то поблизости.

Меня настойчиво звали по имени, возвращая в реальность. Сверкающие нити тускнели, гасли одна за другой, становясь пепельно-серыми, и растворялись в проявляющихся очертаниях обстановки паба. Я зажмурилась, открыла глаза, опять зажмурилась. Я делала так снова и снова, чтобы избавиться от пелены, застилавшей взор, прежде чем поняла, что Рив стоит напротив и трясет меня за плечи.

Рядом крикнули:

– Вытяжку включите в кухне, задымили все!

Я схватилась рукой за голову, пытаясь унять боль. Она в самом деле потихоньку уходила, глаза снова привыкали к свету. Рив осторожно повел меня к нашему столику.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Всегда в порядке, – выдохнула я и окончательно пришла в себя. – А почему ты спрашиваешь?

– Ты мне скажи! Застыла посреди прохода, еще немного, и упала бы в обморок. – Беккер немного отодвинулся и критически осмотрел меня. – Давай-ка съездим к врачу, это не нормально!

– Нет-нет, все в порядке, – снова заверила я его, – просто голова закружилась, здесь довольно душно. Нужно побыстрее выйти на воздух. Я, пожалуй, прогуляюсь до дома. Созвонимся завтра.

Больше всего мне хотелось побыть одной, хорошенько обдумать и записать произошедшее, но Рив не торопился отпускать меня.

– Идем вместе, – сказал он тоном, не терпящим возражений. – Не хватает еще искать тебя по больницам!

Он оглянулся в поисках кого-нибудь из официантов, но все они обслуживали другие столики.

– Побудь здесь, – попросил Рив. – Я же могу оставить тебя на пару минут, правда?

– Конечно. – Мне удалось выдавить из себя подобие улыбки. – Куда же я денусь?

Когда Рив ушел, я надела пальто и тяжело опустилась на стул, стараясь собраться с мыслями. Мне это привиделось или такое в самом деле возможно? Однажды газета отправила меня брать комментарий у человека, который утверждал, что умеет видеть ауру. Я тогда планировала провести с ним не больше десяти минут, но в итоге прослушала целую лекцию. Сначала он с упоением рассказывал о себе и о своем искусстве, а потом принялся восторгаться цветом моей ауры – ярко-золотистым, перемешанным с синим. Мой собеседник вел себя очень странно: то впадал в исступление, вопил и тряс руками перед лицом, то еле слышно бормотал, забившись в угол комнаты, поэтому я решила не поддаваться на его попытки прославиться за счет газеты и ни на секунду ему не поверила. Вот бы снова встретиться с ним: теперь-то я смогу придумать вопросы получше и моментально выведу лжеца на чистую воду. Но если допустить, что тот человек говорил правду, то все бесполезно: наш опыт слишком различается. Сверкающие нити не давали покоя, и, сидя на своем стуле, я тихо застонала от желания снова увидеть, снова почувствовать их.

Рив тронул меня за плечо и подал руку, помогая подняться. Мы вышли из паба и не спеша направились к моему дому, благо идти предстояло недалеко. Свежий октябрьский ветер дул нам в лицо; я чувствовала, как он лохматит волосы и, забираясь под расстегнутое пальто, треплет легкую ткань платья. Казалось, прошла от силы пара-тройка часов с момента, когда я вышла из дома, но, судя по тому, что кроме нас на улице почти никого не было, наступила глубокая ночь. Тишину нарушал только стук моих каблучков по асфальту да шум редких автомобилей, проезжающих мимо. Очередной порыв ветра подхватил с земли опавшие листья и, кружа, понес их вдоль дороги, раскидывая в стороны, словно маленький ребенок игрушки. Я глубоко вдыхала прохладный воздух, радуясь про себя, что этот странный день заканчивается, а Рив поддерживал меня под локоть, думая о своем. Мы больше не ссорились. Надолго ли?

– С Колманом пока ничего не решено, – внезапно произнес Рив. – Его деньги могут сильно помочь, но лично ему я не доверяю.

– Почему? – спросила я с напускным равнодушием и для убедительности пожала плечами.

– А все слишком гладко получается, – начал объяснять Рив после небольшой паузы. – Есть один проект. Пока не могу тебе всего рассказать, но инвесторов ищу давно. Макс сам вышел на меня. Он очень заинтересовался идеей, расспрашивал о том о сем, вникал в планы... Мы договорились встретиться за ужином, и он привел туда своего делового партнера Вербнику, ты видела ее в ресторане. Они сходу начали расписывать мне шикарное будущее, трясли контрактом. Это и смущает. Ну не верю я в такие смелые прогнозы! Когда люди обещают золотые

горы и просят не волноваться, значит, жди подвоха. Поэтому я пригласил их к нам сегодня пообщаться в неформальной обстановке, понимаешь?

– А зачем они вообще нужны? Разве дела идут плохо? – спросила я.

– Нет, за газету можно не беспокоиться. Но что ты думаешь про Колмана, когда не злишься на его вранье?

Я не верила в удачу и полностью разделяла подозрения насчет излишнего энтузиазма в делах. Оскорбленная женщина внутри рвалась в красках описать, насколько отвратителен наш потенциальный инвестор, но в ее суждениях так и не появилось ни капли объективности. К тому же вопрос мне был задан скорее риторический, поскольку Беккер привык разбираться с проблемами самостоятельно, а не слепо следовать чужим советам. Но уж если сомневался он, самый решительный человек среди моих знакомых, значит, дело дрянь.

– Знаешь, – медленно начала я рассказывать о том, в чем немного разбиралась, – идея «Темноты» не пришла ко мне в один момент. Сначала замысел должен родиться где-то в подсознании, совсем неуловимый, легкая, почти прозрачная дымка, ты даже не заметишь ее.

Рив усмехнулся, но промолчал.

– Потом, – продолжила я, – в голове будто бы случайно мелькнет короткая мысль, но не успеешь ее обдумать – раз, и она исчезает. Возможно, со временем она возникнет снова, даже застрянет колом в мозгу, но только если ты за нее ухватишься, если начнешь развивать, добавлять детали, раскрашивать во все цвета радуги, она выльется во что-нибудь стоящее. Или не выльется, тут уж как постараться. Представь себе цветок: сначала ты должен посадить семечко, поливать его, дать ему время прорасти, а потом увидишь маленький побег. Тут тебе понадобится еще сильнее сконцентрироваться и тщательно заботиться о нем, иначе он погибнет. И если ты все сделаешь правильно, твой побег окрепнет, подрастет, даст листья, бутоны, которые в конце концов, когда придет их время, развернут лепестки и раскроются своей красотой в награду за труды. Это относится не только к цветам: любая идея, любое решение должно подрасти, созреть или окончательно умереть. Все, созданное человеком, прошло долгий путь. Даже эта дорога и автомобили на ней, здания вокруг, тротуары, фонари, – они ведь тоже когда-то были маленькими идеями, которые сумели выжить в чьей-то голове.

Рив не ответил, лишь крепче прижал к себе мой локоть, тщетно стараясь подстроить широкие шаги под неудобную для него женскую походку. Он сосредоточенно глядел вдаль, а там, за перекрестком уже показалось начало Подвижной улицы. Едва мы приблизились к ней, тучи уронили на Лардберг тяжелые капли, вынудив усталых пешеходов поторапливаться, но никому не оставив достаточно времени, чтобы добраться домой сухим. Дождь усиливался слишком быстро, подхваченные ветром струи нещадно захлестали по городу, очищая его от грязи, сбивая с деревьев мелкие скользкие ветви и стареющую листву прямо на головы бегущим. Подняв до колен подол платья, я тоже помчалась вперед, зачерпывая туфлями холодную воду, рекой текущую по асфальту. Рив рванул за мной, догнал в мгновение ока и тут же провалился одной ногой в какую-то незаметную, но глубокую яму, едва не потеряв ботинок. Тогда мы признали поражение, оставили попытки обогнать потоп, а спрятавшись наконец под козырьком нужного подъезда, оба, не сговариваясь, завопили прямо в стену дождя, перекрикивая друг друга, приветствуя стихию, поклоняясь ее мощи в первобытном экстазе людей, встретивших силу, которую потом они назовут своим богом. Мы радовались ливню горячо, бесстыдно, будто долгие годы провели в пустыне, хотя внешне представляли довольно жалкое зрелище. Верхняя одежда промокла насквозь, обувь громко хлюпала, намекая, что готова вот-вот развалиться, и это вызывало у нас приступы безудержного хохота.

Внезапно посерьезнев, Рив наклонился ко мне и сказал:

– Я даю один месяц, всего один, но ты вырастишь свою идею. Я не буду беспокоить тебя работой, с завтрашнего дня оформим оплачиваемый отпуск. Ровно через месяц ты придешь

ко мне и покажешь наброски новой книги. Пусть это будет несколько глав, отдельные диалоги, хотя бы простой план, но ты их принесешь. Иначе можешь считать себя уволенной.

Я не поверила в угрозу, но для Рива самолично предлагать кому-то отпуск было сродни жертвоприношению – исключительной мерой во имя чего-то большего, и от благодарности он ожидаемо отмахнулся.

– Это не от доброты душевной, не надейся. Пообещай, что именно я буду представлять твои интересы в издательстве. Поверь, я справлюсь. Не хочу стоять в стороне, пока ты работаешь с кем-нибудь другим.

Зачем-то он дотронулся до моей щеки, заставив смутиться и опустить глаза.

– Да, обещаю, – пробормотала я, – ты будешь представителем!

– Значит, решено.

Он резко притянул меня к себе и поцеловал в губы, скрепляя уговор. Вода, стекающая с его волос, капала на мое лицо, прочерчивая тонкие дорожки к шее. Между нами двоими начали появляться никому кроме меня не видимые нити. Их сверкающий танец завораживал, я не могла оторваться от человека, которому они принадлежали, да и не понимала, зачем нужно отрываться, если мир накрывает плотная пелена тумана? Через такую чужим не пробраться, только свет нитей пульсировал в ней, то исчезая, то вспыхивая вновь.

– Один месяц, Марта! – прошептал Рив и побежал прочь по улице.

Глава вторая

Остатки видения протянулись вслед за Ривом легкой дымкой, а потом окончательно растворились в ливне. Я поднялась в свою квартиру, сняла в прихожей мокрые туфли и пальто. Из кармана выпала забытая статья; я порвала ее на кусочки и подбросила вверх к потолку. Отправлю Риву файл по электронной почте, пусть отредактирует его или, не открывая, удалит. А может быть, и пальцем не пошевелю: у меня отпуск! Платье прилипло к ногам и мешало двигаться; я с трудом вылезла из него, да так и оставила валяться на полу, подниму завтра утром, или послезавтра, или через неделю. Кого оно теперь волнует? У меня отпуск! Я надела любимую пижаму и без сил упала в кресло, стоящее в гостиной. Впереди был целый месяц, который мне предстояло посвятить книге: я уже представляла, как провожу часы, полностью погрузившись в работу, как разворачиваю удивительную историю день за днем, страницу за страницей, слово за словом. Ее герои пока не имели имен, характеров и лиц, но постепенно оживали в моей голове, застенчиво перешептываясь не слышными постороннему уху голосами. Месяц, у меня есть месяц! Есть все, о чем я мечтала сегодня утром: возможность и время. Неужели я не найду, о чем писать, за целый месяц? Найду, конечно! В столе лежит столько набросков, заметок, незаконченных рассказов... а еще на губах до сих пор ощущается поцелуй Рива. Пожалуй, за месяц я смогу забыть это недоразумение.

Не знаю, кто придумал мое кресло, но его конструктору нужно вручить медаль за безграничную любовь к людям; кресло создали для того, чтобы кто-то лежал в нем и лениво размышлял, не отвлекаясь на боли в спине или затекшую шею. Когда зазвонил телефон, я нехотя приподнялась и перевела взгляд на стену: часы показывали одиннадцать вечера. Еще даже не ночь! Для звонков поздновато, но телефон не унимался. Пришлось подойти к аппарату и снять трубку.

– Алло, – сказала я, с трудом подавив раздражение, но звонкий голос на другом конце провода тут же привел меня в чувство.

– Привет, моя Эм! – Джилл почти кричала, стараясь заглушить фоновый шум и разговоры. – Наконец-то ты дома! На мобильный принципиально не отвечаешь, да?

С Джиллиан Флеминг мы дружили с самого детства. Еще девочками мы вместе носились по улицам Калмси, ходили в одну школу, доверяли друг другу все наши секреты и однажды, разрезав указательные пальцы кухонным ножом, на крови поклялись никогда не расставаться. Давным-давно нам показалось несправедливым, что ее имя сокращается, а мое нет. Мы немного поломали головы, перебирая разные варианты, а потом Джилл обратила внимание на подпись в моей тетради «Принадлежит М. Кержес» и расхохоталась. Так появилась Эм – первая буква от Марты.

Когда мы учились в старших классах, родители Джилл погибли в автокатастрофе, поэтому ей пришлось перебраться в Лардберг, к тетке, которую она хорошо знала и любила. Однако совместная жизнь не задалась: девочка-подросток безумно горевала, оставшись сиротой, а опекунша категорически не желала заниматься воспитанием чужого ребенка и, едва племяннице исполнилось восемнадцать лет, попросила ее съехать. Больше они не виделись. Распрощавшись навсегда с последним членом своей семьи, Джилл поселилась в студенческом общежитии от университета, в котором изучала право, а вечерами подрабатывала, составляя шаблонные документы для одного адвоката. Он-то и предложил ее кандидатуру на вакантное место помощника юриста в компании, где работал сам. Джилл переехала в квартиру поближе к офису и трудилась не покладая рук, твердо решив добиться успеха. Бумажная работа в четырех стенах наскучила ей быстро, поэтому, сдав выпускные экзамены, Джилл взялась вести дела о расторжении брака.

Подруга часто сетовала, что люди совсем перестали бороться за любовь и сдаются, едва появляются первые трения и разногласия. Она не понимала, как можно просто взять и выбросить время, проведенное вдвоем, словно оно ничего не значило, или расставаться второпях, перебрасываясь оскорблениями, швыряясь вещами и уничтожая неокрепшие чувства ненавистью. Джилл не оправилась от потери родителей и в память о них старалась спасти всех, до кого могла дотянуться, а работа адвокатом здорово ей в этом помогала. Встречаясь с клиентами, она каждый раз надеялась залатать брешь в чужих отношениях и тем самым подарить детям шанс вырасти в полной семье, иметь маму и папу. Иногда план спасения действительно срабатывал, что, разумеется, не очень нравилось руководству Джиллиан: все же платили юристам за участие в судебных процессах, а не за счастливый финал. Но Джилл в такие моменты преисполнялась значимостью, и это ощущение ее словно окрыляло. В ответ на претензии коллег она лишь загадочно улыбалась и ловко расписывала плюсы мирного исхода дела, подтверждая свои слова следующим удачно заключенным контрактом. Слухи о честной девушке, которая не стремится выжать побольше денег из чьего-то несчастья, затягивая бракоразводный процесс, а наоборот, возвращает в семьи гармонию, разлетались по Лардбергу и приносили компании новых клиентов.

Самое печальное, что при всех очевидных достоинствах характера и привлекательной внешности Джилл не знала покоя: в ее сердце зияла глубокая незаживающая рана. Ни друзья, ни развлечения, ни профессиональные успехи не могли восполнить страшную потерю и удовлетворить потребность в любви. Из-за этого Джилл постоянно ввязывалась в короткие романы со странными, а порой даже опасными типами. Складывалось впечатление, что каждый из ее ухажеров прекрасно разбирался в женских слабостях и самозабвенно этим пользовался. Ни один не дорожил ей, все только тянули деньги, морально изматывали и, получив свое, исчезали. Много лет личная жизнь моей подруги шла по одному печальному сценарию: периоды восторженной влюбленности в самом начале отношений быстро сменялись длительными переживаниями, а заканчивались мучительными расставаниями. Временами Джилл впадала в отчаяние, проклиная род мужской, но в душе по-прежнему верила в исцеляющую силу настоящей любви, которая, словно в сказке, в конце концов обязательно настигнет принцессу или же сумеет расколдовать жестокое чудовище. Нужно только подождать. И хотя тот самый единственный никак не позволял себе появиться на горизонте, Джилл ждала его. А если ждать становилось невозможно, покупала бутылку приторно-сладкого ликера и шла ночевать ко мне. Измученное сердце болит меньше, когда есть с кем разделить одиночество.

Чем старше мы становились, тем больше ценили дружбу, поэтому всегда находили возможность встретиться, не тратя время на глупые отговорки, продиктованные ленью, и могли болтать часами обо всякой ерунде, если одна из нас того хотела. Последний раз мы виделись восемь дней назад, накануне командировки Джиллиан в Сарфелд, крупный промышленный центр в шестистах километрах. По всей вероятности, там стряслось что-то из ряда вон выходящее, раз подруга так настойчиво звонила.

– В чем дело, Джилл? – пришлось довольно грубо прервать ее сожаления о поразившей меня в самом расцвете лет глухоте.

– Да все под контролем, не волнуйся, – неожиданно низко прохрипела трубка и уже четче продолжила, – в Сарфелде живут такие мужчины, Эм, ты просто не поверишь! С одним я провела всю командировку, и он скоро приедет в Лардберг по делам. Вот так-то!

– О, поздравляю! – Я скрестила пальцы на удачу, с облегчением отметив, что голос Джилл выправился и зазвучал почти счастливо. – Кто он, как зовут? Мне нужны подробности!

Я забралась с ногами в кресло и приготовилась к долгому рассказу.

– Эм, да он, наверно, самый красивый мужчина в мире! – простонала Джилл.

Сердце сжалось: сегодня я уже слышала эти слова. Но таких совпадений просто не бывает, их не должно быть! Я судорожно пыталась вспомнить, что мне известно про Макса Колмана, а нехорошее предчувствие усиливалось с каждой секундой.

– Джилл, дорогая, как его зовут? – снова спросила я.

В трубке послышались шипение и громкий треск.

– Марта, Марта, – закричала Джилл, – я еще на вокзале, тут со связью проблемы! Давай завтра встретимся на нашем месте часов в пять, и я тебе расскажу, ладно?

– Конечно! – тоже прокричала я, надеясь пробиться через помехи. – Я приду.

– Могу опоздать, дождись!

Джилл тут же отключилась, а может, просто связь оборвалась. Впервые в жизни мы не успели нормально попрощаться. Мне показалось, что это неспроста и добром не кончится.

– Пока, – растерянно сказала я, глядя на замолчавшую трубку в руке, и, вздохнув, добавила: – Мне тоже нужно многое тебе рассказать.

Полночи я ворочалась в постели, строя догадки о знакомом Джиллиан. Пару раз я порывалась перезвонить подруге, но беспокоить человека в такое позднее время просто неприлично, тем более, она наверняка устала с дороги, а мы успели договориться о встрече и завтра все выяснится. «Это не он, не он», – упрямо твердила я себе, глядя в потолок, в глубине души точно зная, что, вопреки моему желанию и здравому смыслу, это непременно окажется Макс Колман. Тревожные мысли мешали нормально заснуть, и, лежа в полудреме, я видела мерцающие нити, а за ними – ярко-синие глаза.

Следующее утро не задалось с самого начала. Я встала, чувствуя себя совсем разбитой после полной волнений ночи, уныло поплелась в кухню и, когда полезла в настенный шкаф за банкой с молотым кофе, уронила ее на кафельный пол. Тонкие осколки со звоном разлетелись в разные стороны, ароматная коричневая пыльца рассыпалась широким пятном, испачкав мои босые ноги. Вслух ругая собственную неуклюжесть, я пошла за тряпкой, а вернувшись, заметила, что очертания пятна напоминают птицу с расправленными крыльями; еще большее сходство образу придавал крупный кусок стекла, упавший точно туда, где должен быть клюв. Если бы я верила в приметы, то наверняка увидела бы в этом дурной знак, но я лишь посмеялась над нелепой фантазией, а через какое-то время втянулась в уборку, напроочь забыла про завтрак и вымыла всю квартиру до блеска.

Ровно в четыре часа я вышла из дома и не торопясь направилась к нашему с Джиллиан постоянному месту встреч – маленькой уютной кофейне в здании исторического музея. Погода заметно переменилась после вчерашнего ливня: небо затянуло хмурыми синеватыми тучами и капая мелкий дождь. Осень решила отыграться за все солнечные дни. Я плотнее запахнула полы длинного пальто, подтянула воротник свитера и раскрыла зонт. По пути я внимательно рассматривала прохожих: каждый переносил неудобства по-своему. Вот молодой человек пробежал по луже, стараясь повыше поднимать ноги и не запачкать светлые брюки, но брызги разлетались от его ботинок грязными кляксами. Женщина в алом плаще спряталась под крышей магазина и теперь недовольно выглядывала оттуда, ожидая, пока закончится дождь. Две юные девушки, натянув до бровей капюшоны, стояли посередине тротуара, оживленно жестикулируя и обсуждая что-то смешное: обе так и заходились хохотом. Пожилой мужчина прогуливался, элегантно положив большой зонт на плечо и получая очевидное удовольствие от погоды. Поравнявшись со мной, он весело подмигнул, словно встретил родственную душу, и я расплылась в невольной улыбке, кивая в ответ. Дождь показывает истинную натуру человека: у одних сразу портится настроение, и они начинают ругаться на капризы природы, другие радуются им, выходят под капли льющейся с неба воды, не страшась промокнуть, и смеются... смеются... мы тоже смеялись вчера... Я оборвала себя на середине мысли: мы с Ривом слишком разные и не сможем быть вместе. Откуда взялась такая глупость? Но неисправимый романтик, живущий в моей душе, уже сходил с ума от восторга. До чего же я его порой прези-

рала! Он отключал разум, обманывал сердце, заставляя видеть в человеческих поступках лишь желаемое и закрывать глаза на горькую правду. Мы ведь мечтаем о любви и, почувствовав даже легкое влечение, всякий раз тешим себя надеждой, что сейчас это точно окажется оно, то самое, настоящее чувство, во имя которого можно свернуть горы. Но если любовь настолько великая сила, то она должна пронзать насквозь двоих одним быстрым движением, похожим на точный удар шпаги. Иначе какой в ней смысл? Безответность несет лишь боль разочарования да страдание из-за отчужденности, а я ими, несмотря на молодость, насытилась по горло. И один короткий поцелуй не в силах ничего изменить.

Я подошла к кофейне на двадцать минут раньше, чем планировала, и приготовилась скучать, однако подруга уже сидела за маленьким круглым столиком, погрузившись в изучение документов, разложенных перед ней аккуратными стопками. Белая блузка и голубой брючный костюм с серебристыми пуговицами выгодно подчеркивали каштановый оттенок волос Джиллиан, но придавали образу нетипичную строгость, даже неприступность. Обычно она такое не носит, значит, сегодняшний день выдался напряженным, и пришла она сюда сразу после заседания в суде, не успев ни переодеться, ни пообедать. Вот и большую чашку кофе почти опустошила в надежде притупить голод, пока ждет меня. Джилл нервно теребила тяжелую косу, периодически хмурилась и покусывала кончик простого карандаша, которым делала пометки. А еще она специально выбрала место в самом центре зала, лицом ко входу, получая порции внимания от каждого нового посетителя. Сегодня она выиграла наше негласное состязание: я-то всегда садилась подальше, стараясь избежать случайных встреч с кем-нибудь из знакомых.

– Флеминг, прекрати грызть все подряд! – строго сказала я, подражая манере нашей школьной учительницы математики. Она часто одергивала Джилл, когда та, замечтавшись, отвлекалась от урока.

– Но тогда я останусь голодной, – обиженно протянула подруга, подняв на меня огромные серые глаза, и откинула косу на спину. – Хотя лучше бы выбросить это все на помойку, я так устала!

Она махнула рукой на документы, швырнула на стол обгрызенный карандаш и кинулась ко мне в объятия. До чего же я соскучилась, пока ее не было в городе! Вдоволь наобнимавшись, мы сели за столик, сделали заказ и начали собирать бумаги: рабочий день окончен, пора отдыхать.

– А теперь представь, – тем временем рассказывала Джилл, – одна дамочка из Сарфелда клянется, что у мужа внезапно появились сверхъестественные способности и он пытается ее убить. Но полицию, разумеется, привлечь нельзя, лучше быстренько подать на развод и, раз уж супруг, по ее словам, все равно почти преступник, а значит, место ему в тюрьме, то совместно нажитое и добрачное имущество должно достаться ей! Сильно, да? При этом ведет она себя отвратительно: врет, хамит, суетится. Я уже неделю изучаю их документы и, кажется, схожу с ума. Точно говорю, контора хочет от меня избавиться, вот и придумала ссылку.

– А у мужа правда есть какие-то способности?

– Ну да, – фыркнула подруга, бросив быстрый взгляд на экран мобильного, – вчера не было, а сегодня вдруг появились! Где такое видано?

Клиенты юридической фирмы, в которой работала Джилл, обычно находились в стрессе и могли разбудить своего адвоката часа в четыре утра, потому что внезапно вспомнили подозрительные слова, сказанные несколько лет назад неверным супругом, или названивали без остановки, желая выговориться. Джилл привыкла держать телефон под рукой, брать его с собой в постель и в ванную комнату, поэтому командировки служили для нее настоящей отдушиной: там ей разрешалось не отвечать на звонки в нерабочее время. Прогулки по незнакомым городам, встречи с новыми людьми действовали безотказно, и Джилл возвращалась в Лардберг посвежевшей и бодрой. Даже сейчас, несмотря на легкое раздражение в голосе, я не сомневалась: подруга прекрасно провела те несколько дней в Сарфелде.

Меня всегда приятно поражало в Джилл стремление любить других людей. Она успела хлебнуть немало горя и не была наивной или глупой, но из-за мягкого от природы характера хотела жить среди доброты и честности, а раз перевоспитать весь мир невозможно, ей нравилось притворяться, что на самом деле все не так уж плохо. Годы практики – и притворство замесило ей реальный взгляд на вещи. Джилл научилась без особого труда оправдывать даже самые неблагоприятные поступки и могла убедить саму себя в порядочности кого угодно. Конечно, у нее тоже случались вспышки гнева, но успокоившись, она извинялась первой, с готовностью протягивая руку в знак примирения. Своим нежеланием заикливаться на обидах Джилл здорово облегчала всем задачу. Она обезоруживала искренностью, растапливала лед в отношениях открытой, ласковой улыбкой, буквально заставляя человека проявить великодушие и во всеуслышание объявить о прощении. У меня же не укладывалось в голове, как кто-то умудряется с ней поссориться; за годы дружбы я не нашла ни единого повода для недовольства. Наши интересы, вкусы и жизненные цели вообще не совпадали, но это не мешало наслаждаться обществом друг друга, а возможно, именно разница и спасала нас от соперничества или зависти. Одно я знала совершенно точно – делить нам нечего.

– Там я увидела Макса, – улыбнулась Джилл.

Я вздрогнула, услышав знакомое имя. Подруга рассказывала о поездке в городской суд Сарфелда, а я немного отвлеклась от повествования, когда в кофейню вместе с парой учителей ввалилась группа школьников после экскурсии. Дети галдели на весь зал, взрослые устало шикали на них, но Джиллиан ничего вокруг не замечала.

– Я увидела его еще при входе в зал заседаний, а когда посмотрела ему в глаза, то чуть не умерла, честное слово! Я влюбилась с первого взгляда, Эм! Верить ли, со мной такого прежде не случалось! Но когда я освободилась, его уже нигде не было. Я расстроилась, пошла заедать горе в ближайший ресторан, а там сидел угадай кто? – твой Беккер, и угадай с кем? – с тем самым мужчиной. Потрясающее совпадение! Я подошла поздороваться, Беккер меня не сразу узнал, но потом, конечно же, познакомил с Максом, поэтому, – она, улыбаясь, развела руками, – можешь поздравить свое начальство с присвоением почетного титула городского сводника. Я даже продлила командировку на два дня, ничего не могла с собой поделаться.

Так, значит, это Рив устроил! Недостающий фрагмент мозаики встал на место. Я искренне желала, чтобы Джилл наконец-то встретила приличного человека, который смог бы оценить ее по достоинству, и они бы поженились, и у них родились бы дети, да вообще получилось бы все, чего она долго ждала. Вчерашнее поведение Колмана не давало мне покоя, но Джилл действительно выглядела счастливой, говоря о нем, а еще моя всегда отличавшаяся плохим аппетитом подруга ела как в последний раз. Я не могла вспомнить, видела ли раньше ее такой довольной, поэтому поддалась чувствам, переполнявшим Джилл. Самое начало романтических отношений – прекрасное время, и мне очень не хотелось вмешиваться, но скрывать, что мы с Колманом знакомы, было ни к чему.

– Кажется, я знаю, о ком ты говоришь, – осторожно сказала я. – Макс Колман собирается вложить средства в нашу газету и уже приехал в Лардберг. Рив представил нас вчера на вечеринке.

Джиллиан посмотрела удивленно. Она явно ничего не знала о планах человека, которого восторженно описывала пару минут назад. На ее лице промелькнула растерянность, и я почувствовала себя виноватой из-за того, что принесла дурные вести, однако Джилл по своему обыкновению быстро взяла себя в руки и улыбнулась.

– Вечно мужчины все держат в секрете. Наверно, приехал дневным поездом. Конечно, надо будет поговорить с ним об этом. Хотя не обязательно, у них же там еще ничего не решено, я правильно понимаю? – Она закивала головой, наверняка придумав Колману подходящее оправдание и полностью удовлетворившись им. – Правда, Макс прелесть?

Ожидаемый вопрос. Я успела сочинить целую речь, с проникновенным «Джилл, милая, ты только не волнуйся...» в начале и с «я беспокоюсь за тебя» в конце. Меня так и подмывало выложить все, что я поняла о Максе Колмане. Он опасен, самолюбив и никогда не даст ей то, чего на самом деле она заслуживает! Но едва заговорив, я сбилась, внезапно осознав правду: нужных слов снова нет. Влюбленные женщины не слышат предупреждений, они следуют зову сердца и, пока чувства свежи, готовы идти по камням и гвоздям, не прося, не жалуясь, мечтая, веря в чудо. Я вспомнила Лили; восторг в ее глазах при виде нашего вчерашнего гостя – еще один пример могущества мужского обаяния. А если подумать, не только Лили крутилась около барной стойки больше, чем нужно. Вдруг окружающие правы, а я делаю поспешные выводы? Колман красив, богат и не читал мой роман, не это ли меня задело? Да, назойливость, доведенная лицемерием до крайности, – гремучая смесь, но вдруг произошла ошибка? Я сбежала слишком рано, не позволив ему объясниться, – зачем же еще он высматривал меня в ресторане? – а теперь вдобавок собиралась оскорбить лучшую подругу, обвинив ее в том, что она не в состоянии выбрать человека себе по душе. Да как я могу поступать так подло и лезть в чужую жизнь с непрошенными советами? Мне стало стыдно.

– Мы с Максом толком не успели поговорить. – Я пожала плечами, внутренне проклиная себя за трусость. – Так, перебросились парой ничего не значащих фраз.

Джиллиан нахмурилась и перевела разговор на другую тему.

– А как там поживает Беккер? – спросила она.

Я привыкла почти всем делиться с ней, поэтому, немного смущаясь и запинаясь, рассказала, чем закончилась прогулка под дождем, осмотрительно умолчав о видениях.

– Ну и ну! – криво усмехнулась Джилл. – Он наконец-то решился! А я думала, ему проще умереть одиноким ворчливым стариком, чем показать, что у него тоже есть чувства!

Я улыбнулась вслед за подругой, хотя не очень понимала, куда она клонит.

– Сколько он уже влюблен в тебя: год, два? – продолжала Джилл. – Жалко его, конечно, но нужно было раньше шевелиться. Ой, Марта, только не делай вид, будто ты не в курсе!

Я отрицательно помотала головой, а Джиллиан громко ахнула и зажала рукой рот, не веря своему открытию.

– Да что с вами, люди? Почему все боятся признаться, что умеют любить? Даже сами себе. В этом же нет ничего постыдного!

Казалось, она обращается ко всему человечеству в моем лице. Ее вопрос существовал не одну сотню лет, над ним бились лучшие умы, но так и не пришли к единому мнению, да и теперь вряд ли бы кто-то осмелился дать исчерпывающий ответ. Мне даже пытаться не стоит. Джилл каждый раз погружалась в отношения с головой, без страха и сомнений; влюбленная, она походила на девочку, которая скачет на одной ножке по цветущему полю, распевая веселые, полные надежды песенки. Ее любовь отличалась верой в будущее, моя – страданием. Я боялась быть отвергнутой, осмеянной, боялась, что прекрасное светлое чувство бросят на землю у всех на виду, растопчут грязными ботинками, а если часть его случайно выживет, то так и останется валяться никому не нужная, пока окончательно не сгниет.

– Марта, – Джилл говорила терпеливо и ласково, словно я была маленьким ребенком, а она – мудрым взрослым, который пытается растолковать элементарные вещи, – неужели мужчина станет проводить с женщиной столько времени только потому, что они вместе работают? Ты небезразлична ему.

– Раньше ты так не считала, – заметила я. – С чего вдруг передумала?

– Ну какая разница, с чего? Главное – это твои чувства! Слушай, я помню, сколько ты из-за него переживала, и уж если кто и должен с тобой объясняться, так это сам Беккер. Знала бы ты, как он расписывал тебя Максу в Сарфелде! Ты же у него самая талантливая, умная, тонко понимающая материал и вообще ценнейший – он так и сказал – сотрудник.

– Вот именно, сотрудник! Все остальное – реклама для потенциального инвестора и требования этикета в твоём присутствии.

– Так между вами нет ничего серьёзного?

– Конечно, нет!

– Видимо, он никогда не вылезет из своей скорлупы. Жаль, но это его выбор, придется смириться! – Джиллиан махнула рукой; в её голосе проскочила нотка пренебрежения, которая рано или поздно появлялась, когда она говорила про Рива.

– Да не о чем тут жалеть. Беккер женат на своей работе, а быть очередной среди его любовниц мне не хочется. К тому же я раздумываю над новой книгой, и у меня нет времени заниматься всякими глупостями.

– Но неужели ты его совсем не любишь?

– Нет, мое терпение давно иссякло.

Я вздохнула. Однажды нам с Ривом придется поговорить, но я до последнего буду вести себя как ни в чем не бывало и оттягивать трудный момент. Взбрело же вчера в голову признаться! И он тоже хорош: кто спрашивает о таком? Никогда не нужно трогать то, что уже умерло. Тем более прошлую любовь. Самое глупое, что можно сделать, – это снова вытащить ее на свет. А попытаться воскресить – совсем безумие. Пусть уж лучше лежит в своей могиле, укрытая забвением. Конечно, в определенном смысле я любила Рива, но только как друга. Это не то глубокое чувство, которое женщина должна испытывать к мужчине, лишь признание его очевидных достоинств. Да и Джилл ошиблась, разумеется ошиблась, ей-то всюду мерещатся тени любви и следы пылкой страсти, а мой внутренний романтик наконец-то уgomонился.

Джилл лукаво поглядывала на меня, прикрывая улыбку чашкой с чаем, а потом придвинулась поближе.

– Послушай, тут есть необычное дело. – Подруга говорила очень тихо. – Одна клиентка по секрету рассказала про старика, который видит и прошлое, и будущее. Это не шарлатан, он рассказывает все абсолютно точно. Скорее всего, он из тех, ну, из Туманных. Я тоже хочу задать ему вопрос о будущем и надеюсь, что ты сходишь со мной. Пожалуйста, Эм, он живет в каком-то Каменном переулке. Ты же весь город обошла, наверняка бывала там.

Мы сидели, практически соприкасаясь головами, совсем как в детстве, когда шепотом проверяли друг другу свои самые страшные тайны или строили планы прогулять школу. В глазах Джилл застыла мольба, но я внутренне поежилась, второй раз за короткое время вспомнив про Живущих в тумане. Последнее громкое событие, связанное с ними, произошло около двадцати лет назад. Той зимой в Лардберге прямо посередине Центрального бульвара молодая женщина погибла загадочной смертью. Рядом с телом застали рыдающего мужчину; он рвал на себе волосы и кричал, что его жена умела перемещаться во времени, но запуталась в нем и сама уничтожила собственное существование. «Убита, убита!» – шептались шокированные горожане. «Да нет же, несчастный случай!» – не слишком убедительно спорили с ними скептики. Мужчину увезли полицейские, и, хотя в виновности подозреваемого имелись сомнения, его тут же возненавидели буквально все. А потом он сбежал из камеры, не оставив улики, но посеяв настоящую панику, которая докатилась и до Калмси. Про мертвую женщину вспоминали мало, видимо, ее почти никто не знал, но еще долгое время, обрастая новыми леденящими душу подробностями, из уст в уста передавались рассказы об изощренном убийце по имени Альберт.

Порой дурная слава одних оседает в памяти людей гораздо глубже, чем великие дела других. Тот Альберт превратился в героя легенды, и никто уже не мог сказать, где в ней правда, а где вымысел, но всех обладателей редких способностей начали называть коротко – Туманные, произнося это слово на определенный манер: резко, с ненавистью, будто бы выплевывая каждый слог. Многие и впрямь суеверно плевали через плечо, а еще стучали трижды кулаком по лбу – на всякий случай. Злые языки поговаривали, что Туманные приносят горе и страдания всем, кому не посчастливилось их встретить, поэтому жители Лардберга не горели жела-

нием связываться с теми, кто занимался хоть чем-нибудь необъяснимым с точки зрения науки или привычности. Гадалки, маги, экстрасенсы появлялись в городе с завидной регулярностью, словно их притягивало сюда магнитом, но надолго они не задерживались. Можно было не удивляться, увидев на доме новенькую вывеску с именем владельца заведения и словами «Добро пожаловать», а еще меньше стоило обращать внимание, когда через месяц-другой здание снова пустовало.

Вопреки всему, интерес к Туманным продолжал тлеть в моем сердце. Несколько лет назад я решила воспользоваться служебным положением и узнать о них побольше, но не нашла в архиве «Мнения» ничего полезного, кроме короткой заметки о том убийстве и нескольких репортажей с уличных акций против бездействия полицейских. Разъяренная толпа с раскрашенными лицами требовала немедленно предать суду Альберта Керна, довольно известного в то время врача. Из номера в номер печатали его фотографию – крепкий холеный мужчина в белом халате стоял на фоне кирпичной стены, сложив на груди руки и улыбаясь во весь рот. Такие же портреты протестующие сжигали на месте гибели его жены. А вот ее фотографии нигде не оказалось, лишь трижды упоминалось имя – Изабелла. Я обратилась за помощью в другие архивы, разослала запросы по городским библиотекам, где хранились подшивки старых газет, и очень скоро стала получать официальные письма, в которых меня называли уважаемой, а далее подробно разъясняли, почему учреждение не может предоставить информацию. Осмелев, я разыскала пару полицейских, когда-то занимавшихся этим делом, соврала им, что провожу журналистское расследование по заданию редакции, но, едва услышав фамилию Керн, оба напряглись, переспросили мое имя и безо всяких комментариев указали на дверь. После такого я сдалась: жуткую историю, на которой выросло целое поколение, не получалось подтвердить документально.

Старик-провидец из Каменного переулка вряд ли имел отношение к тем событиям, но он мог понимать природу моих вчерашних видений, дать подсказку, откуда они появились и как от них избавиться. Если каждый раз, глядя на Рива, я буду находиться на грани обморока и путаться в мерцающих нитях его сущности, то рискую сойти с ума или еще хуже – потерять работу.

– Нет проблем, если хочешь, можем пойти прямо сейчас, – предложила я Джиллиан. – Но обещай, что мы сразу же уйдем, если никого не застанем. По вечерам в тот переулок лучше не соваться!

– Конечно-конечно, о чем речь! Хотя с какой стати нам бояться? Мы же по делу.

Подруга достала из сумки кошелек: сегодня ее очередь оплачивать счет.

– Джилл, да не Туманный меня беспокоит! Я хорошо знаю сам переулок, раньше там жили знакомые моей бабушки. Кажется, мне тогда исполнилось десять; мы возвращались из кондитерской, бабушка остановилась около узкого заборчика и попросила запомнить, что в трудную минуту я могу обратиться за помощью к обитателям Каменного переулка. Мы к ним не зашли, а потом бабушка окончательно разругалась с моими родителями, перестала приезжать, так что я понятия не имею, кого она имела в виду. Те люди даже не пришли на ее похороны. Наверно, умерли еще раньше.

– Но, Марта, вдруг они до сих пор живут там?

– Исключено, я проверяла, последний раз – пару лет назад. Переулок заброшен и превратился в обыкновенную свалку: везде мусор, грязь, деревья поломаны, а дома заколочены, и нам сильно повезет, если они еще не рухнули. Да там дальше метра от забора не пробраться! Похоже, у этого предсказателя совсем нет денег, иначе он бы не поселился в таком месте.

Главной улицей в городе по праву считался Центральный бульвар. Здесь находились дорогие магазины и рестораны, уютные маленькие кафе, два театра, открытая сцена для начинающих артистов, концертный зал и ночной клуб, столики в котором приходилось бронировать на месяц вперед. Жизнь на бульваре кипела круглый год: весной он сводил с ума запа-

хами сирени и акаций, летом радовал обилием тенистых уголков, осенью люди усердно пинали по земле опавшие листья, а зимой – играли в снежки. Каждый мог найти здесь развлечение по душе и по карману. Но в самый конец бульвара отдыхающие забредали не часто. Там, метрах в пятидесяти друг от друга, торцами к дороге стояли два длинных девятиэтажных здания. Между ними с обеих сторон протянулись выдающиеся вперед аркады, хитро прикрывающие глухие стены. Здания были самыми высокими, но и самыми нелепыми в округе; в их архитектуре смешалось столько разных стилей, что ни панорамные окна верхних этажей, ни башенки, стремящиеся прыгнуть с крыши в небо, ни резные барельефы на коричневом фасаде не приводили зрителей в восторг. А уж когда сюда перевезли департамент городского строительства со всеми чиновниками и секретарями, народ прозвал этот комплекс Гнилым зубом Лардберга.

На картах Гнилой зуб изображался сплошным квадратом, поэтому мало кто помнил, что в череде ложных арок прячется проход в Каменный переулок.

Дождь закончился, и стало чуточку теплее: то ли ветер утих, то ли предвкушение встречи с Туманным согревало кровь. Мы с Джилл растерянно стояли перед одной из арок, на которой не обнаружилось ни таблички с адресом, ни хотя бы указателя, куда идти. Решетку забора перед нами оплетали лианы девичьего винограда – слишком тугие и зеленые для середины осени; кое-где даже выглядывали молодые побеги, будто бы для них продолжалась весна. Джилл дернула на себя толстый стебель, и он легко поддался, отворяя низенькую калитку, – всякий войдет внутрь, если пожелает, но любопытных, скорее всего, не находилось. Моя подруга подвернула низ брюк и, согнувшись в три погибели, первой нырнула в завесу из листьев, а через секунду махнула мне оттуда рукой. Я проследовала за ней и застыла в немом удивлении. Переулок оказался гораздо шире, чем мне запомнилось, он тянулся вперед на три-четыре сотни метров и заканчивался высокой глухой стеной. Теперь, когда отсюда вывезли мусор и спилили поваленные деревья, мешавшие пройти, стало понятно, что фактически это тупик. Он выглядел так, словно время в нем остановилось много лет назад: мощенная булыжником дорога бугрилась под ногами, по обе стороны от нее расположились шесть двухэтажных домиков разной степени сохранности с покатыми крышами и уютными верандами, цветы в палисадниках пестрели всеми оттенками радуги. А по периметру, на почтительном расстоянии от домов, хмурыми слепыми стражами возвышались коричневые стены без окон и дверей: департаменту строительства не разрешили подглядывать, чем занимаются люди, живущие здесь, если кто-нибудь из них вообще выходит за дверь. Пока же над нашими головами только птицы чирикали, беззаботно порхая среди цветущих деревьев, хотя остальной Лардберг начинал готовиться к первым морозам, день за днем наблюдая, как земля покрывается красно-желтой листвой. Калитка пропустила нас в совершенно другой город; один шаг – и мы проникли в чарующий мир Туманных.

– Потрясающе! – прошептала Джилл. – Ты это называешь «нет денег»?

– Глазам не верю! Может быть, мы перепутали арку? Я раньше не замечала, что у Гнилого зуба дыра внутри гораздо больше, чем кажется снаружи.

Джилл ткнула пальцем вправо: на краю мостовой стояла табличка. «Уважаемые гости! – гласила она. – Вы находитесь в Каменном переулке. Все вокруг вас охраняется законодательством о частной собственности. Пожалуйста, не беспокойте владельцев своим присутствием и немедленно покиньте территорию».

– Не ожидала увидеть такие дома в Лардберге, – вполголоса сказала я. – Значит, их недавно выкупили, часть уже отремонтировали, а то и полностью перестроили. Но эти стены вокруг, Джилл, ты только посмотри, какое уродство! Интересно, зачем они вообще нужны и кто подписал разрешение...

– Эм, пожалуйста, – взмолилась подруга, – не вздумай никого расспрашивать, мало ли кто тут живет. Мы же здесь не ради очередной статейки, а ради меня.

– Да помню я, помню!

Поднявшись на ближайшее крыльцо, мы обнаружили, что на входной двери нет ручки, только отверстия для нее просверлены, а окна закрыты толстыми ставнями. Джилл бросилась через улицу, но и там ее ждало разочарование. Тогда она бодрым шагом двинулась по мостовой и, дойдя до самого последнего дома, радостно вскрикнула.

Всю веранду кто-то заставил комнатными растениями. Ряды керамических сосудов разных форм и размеров, обычных пластиковых горшков и маленьких емкостей с рассадой позволяли пробраться только к креслу-качалке с забытым на ней клетчатым пледом да зайти в дом. Открытую дверь снизу подпирали кирпич, словно нас любезно приглашали присоединиться к этому клубу садоводов. Джилл нарочно громко застучала каблуками, поднимаясь по ступенькам, и трижды ударила кулаком по дверному косяку – никто не ответил. Мы немного потоптались на пороге, наконец решившись, миновали темную прихожую и очутились в гостиной.

– Здравствуйте! – хрипло позвала Джилл, будто стесняясь своего звонкого голоса. – Простите за вторжение, мне сказали, вы можете помочь!

Никто опять не ответил. Подруга пожалала плечами, а я огляделась по сторонам. Центр передней стены украшала географическая карта, испещренная разноцветными флажками; кое-где к ней были приклеены маленькие записки. Внизу стоял кожаный диван цвета слоновой кости с кучей мягких подушек; низенький кофейный столик ломился от тяжести сваленных на него бумаг и тетрадей. Левая половина комнаты играла роль библиотеки. Застекленный книжный шкаф, набитый книгами и толстыми архивными папками, закрывал всю торцевую стену от потолка до пола, а перед ним находилась зона для чтения: две пары кресел и торшеров. На правой половине, около окна, почетное место занимал рояль с нотами на пюпитре; напротив висел портрет молодой женщины: кто-то любовался ею, исполняя вечерами фортепианные концерты. Под портретом стояло еще одно кресло, а в самом углу обнаружилась витрина с образцами древнего искусства глиптики. Неровный свет сумерек позволял рассмотреть пластины с резными изображениями, контуры каменных фигурок, но все они перестали иметь значение, едва я увидела предмет, поразивший меня до глубины души. Я бы не раздумывая согласилась дорого заплатить, лишь бы обладать им.

На длинной широкой цепочке, приколотой к верхней панели витрины, висел крупный кулон из темно-коричневого камня, оправленного в белый металл. Камень не был огранен и имел настолько неправильную для украшения форму, что казалось, его только вчера откололи от крупного кристалла неумелой рукой и почему-то бросили, не доделав. Он выглядел ошибкой ювелирного искусства, но в то же время поражал естественностью.

– Какая красота, – прошептала я.

– Это раухтопаз, еще его называют дымчатый кварц, – внезапно раздался за спиной низкий голос.

Я вскрикнула и, обернувшись, увидела невысокого пожилого мужчину; он спокойно стоял около рояля, разглядывая меня.

– Простите, вы так тихо подошли... – По лицу разлилась краска смущения и стыда за мой детский испуг, за любопытство к чужой собственности, за банальную неуклюжую фразу, которой я то ли оправдывалась перед хозяином дома, то ли укоряла его за появление в собственной гостиной. – Мне очень понравился этот камень. Где вы его купили?

– О, чудесное дитя, – засмеялся старик, потирая короткую седую бороду, – такие вещи не продаются, они сами выбирают компаньона соответственно своей натуре. Как мужчина или женщина выбирают себе пару, желая раскрыть через любовь свою сокровенную сущность и обогатить друг друга новым знанием. Никто не может завладеть природой, но если человек согласится стать ее благодарным партнером, примет условия, тогда она ответит взаимностью. А это, – он указал на кулон, висящий за стеклом витрины, – и есть часть природы, такая же, как вы или я. Или как ваша прелестная спутница.

Он повернулся навстречу Джилл. Та медленно шла к нам, смущаясь не меньше моего – взгляд опущен, щеки покрыты румянцем, но на лице сияет улыбка. Сложно было остаться равнодушной к чарам хозяина, который к тому же совсем не злился на то, что мы без спросу вторглись в жилище.

– Давайте присядем, – предложил старик, щелкнув выключателем на стене, и комната озарилась мягким желтоватым светом, – а вы расскажете, чем я могу вам помочь.

Он проводил нас к креслам около книжного шкафа, а для себя принес от рояля табурет. Кресло оказалось низким, но удобным, и вставать с него не хотелось. Все мне нравилось в этой гостиной, я с удовольствием осталась бы в ней на какое-то время: сидела и листала книги, неспешно беседовала с хозяином дома...

– Мои друзья приходят сюда читать, говорят, тут лучше, чем в библиотеке, – тихо произнес он, словно отвечая на мои мысли. – Вы тоже приходите, не стесняйтесь. На этих полках собрано много информации о тайнах мироздания и устройстве вселенной, но основные знания, конечно, хранятся у нас в умах, и мы делимся ими. Далеко не все, о чем мы говорим, может быть описано словами, а еще больше и не должно.

– Это правда? – уточнила я.

– А как бы вам хотелось? Разве от этого что-нибудь зависит?

– Сложно сказать... Наверно, многое; возможно, ничего. Каждый оценит влияние по своему, и вряд ли у кого-то полностью совпадут точки зрения.

Старик согласно закивал.

– Тогда вам придется простить мою злую шутку; люблю, знаете ли, пошутить и поразмышлять вместе с молодежью, а потом подумать над услышанным уже в одиночестве. Увлекательное занятие: не дает мозгу засохнуть, но отнимает уйму времени. Надеюсь, не слишком расстрою вас, но тайн здесь мало. Все материалы в шкафу мне нужны для работы. Я преподаю историю в университете.

Старик сидел прямо, приподняв подбородок и сложив на коленях пухлые руки. Ему было не меньше семидесяти, и весь он казался каким-то светлым и мягким: лицо, лишенное природой угловатых черт, спокойная мимика, плавные размеренные движения. Бледно-голубые, почти льдистые глаза смотрели гордо, но по-доброму; редкие волосы ореолом пушились вокруг головы; седые брови практически сливались с тусклой кожей, придавая лицу болезненное и вместе с тем кроткое выражение, а губы надежно спрятались в бороде. Его костюм тоже не отличался яркостью красок: бежевый трикотажный джемпер с узором в виде белых ромбов, коричневые брюки и серые домашние туфли – скромная, надежная палитра.

– Итак, девушки, чем обязан вашему визиту? – он медленно перевел взгляд с меня на Джилл и обратно.

– Говорят, вы предсказываете будущее, – нерешительно начала я, но старик хмыкнул.

– Неужели вы за этим пришли? – удивленно спросил он. – Хотите узнать будущее? Вам ведь это не нужно! По вашему лицу сейчас можно составлять справочник скептицизма во всей его красе: вы не верите в пророчества, мой шкаф вам куда интереснее. Конечно не верите, чудесное дитя, не отпирайтесь, вот и улыбаетесь теперь сконфуженно. Значит, – хозяин дома повернулся к Джилл, – это вас ввели в заблуждение. Но вы, я вижу, сомневаетесь и до сих пор не сформулировали свой вопрос окончательно, иначе вы не предоставили бы первой говорить подруге. Нет-нет! – он изящно взмахнул рукой, заставив Джилл закрыть рот, который та открыла, видимо, желая поспорить относительно своих намерений. – Пожалуйста, не нужно ничего объяснять, лучше подумайте вот о чем: действительно ли вы готовы пойти до конца? И действительно ли эта задача самая важная в вашей жизни? Вы сможете безропотно принять происходящее и не противиться ему или же потратите отведенное вам время на борьбу, пытаясь изменить ход событий, но зная, что полностью остановить их будет невозможно?

– Мне нужно еще немного подумать, – ответила Джилл после небольшой паузы.

– Так и есть, моя дорогая, всегда нужно думать, прежде чем испытывать судьбу! Как считаете, много ли людей на самом деле хотят того же? И кто они: просто любопытные или совсем отчаявшиеся? Следует помнить одно: никто в этом мире не может предугадать все, что случится. Жизнь – это совокупность событий и решений, которые принимаете и вы, и другие люди. Каждый ваш шаг может кардинально изменить будущее. – Он улыбнулся и подмигнул Джилл. – Не мучьте себя вопросами; придя сюда, вы уже ступили на путь будущего, а потому внимательно рассмотрите ситуацию, проанализируйте ее и примите решение согласно своим внутренним убеждениям. Рано или поздно все факторы проявятся и займут подходящие места.

Подруга вежливо кивала, а мне стало грустно: мы зря пришли, этот человек не мог помочь разобраться с нашими вопросами. Джиллиан бросила на меня выразительный взгляд, и мы обе поднялись, хором начали благодарить старика за уделенное внимание, в очередной раз извиняться и прощаться, но он попросил нас подождать, а сам направился к витрине. Вынув из кармана связку ключей, хозяин выбрал один, осторожно открыл стеклянную дверцу и проткнул голову внутрь. Немного повозившись с крепежом, он снял цепочку с кулоном, протянул украшение мне и сказал:

– Возьмите, Марта! Носите камень каждый день, пусть вам достанется его сила.

– Но как мне расплатиться за него? – растерялась я. – Несмотря на вашу теорию о выборе, это очень дорогая вещь!

Находясь за стеклом витрины, кулон оставался недостижимой мечтой, теперь же он превратился в реальный предмет. Мне приходилось тянуть время, пока правила хорошего тона боролись в моем сердце с необузданной стихией вожделения. Первые умоляли немедленно отказаться от подарка или хотя бы выяснить до конца, какую услугу или сумму старик рассчитывает получить взамен, а вторая приказывала забрать раухтопаз сию же секунду, вырвать его из рук щедрого владельца, сунуть в карман и бежать, бежать без оглядки из этого дома, из этого района по улицам Лардберга в свою квартиру, спрятать там сокровище и больше никогда не приближаться к Каменному переулку. Я стояла словно пригвожденная, не смея шевельнуться или отвести глаза: одно движение, одно слово, и назад дороги мне уже не будет. Но хозяин не мешкал. Внезапно он очутился рядом, схватил мою руку и с силой вложил камень в ладонь. Твердая поверхность обожгла кожу холодом, острый срез больно впился между пальцев, и в то же время меня охватил неописуемый восторг. Я крепко сжала кулак.

– Верно, вещь дорогая, – сказал старик. – И вот как мы поступим: если вам понравится носить кулон, вы вернетесь и мы договоримся о цене; если не понравится – вы вернетесь и отдадите камень. Все очень просто. Мое имя Фабрис, вы всегда можете найти меня здесь. Если возникнут вопросы, приходите хоть завтра, но не слишком рано. Не люблю заниматься делами с самого утра.

– Завтра точно не приду, – улыбнулась я, еще сильнее сжимая кулак, – обещала навестить родителей, но к вам вернусь обязательно!

– Хорошо, на том пока и остановимся. А теперь позвольте проводить вас, уже почти стемнело.

Резко повернувшись, Фабрис направился к входной двери; мы с Джилл поспешили за ним, протиснулись между цветочными горшками и пошли по мостовой к калитке. Мне в спину долетели тихие слова «Возвращайся скорее», я обернулась на голос, но веранда уже опустела.

Следом за Джиллиан я выбралась из листьев живой завесы, скрывающей переулок; Центральный бульвар тут же ударил в уши нестройным сочетанием звуков большого города. Мы словно вынырнули на поверхность из глубины океана и некоторое время изумленно смотрели друг на друга, а потом расхохотались.

– Вот это да-а, – протянула Джилл. – Такого я точно не ожидала! Ну и странный тип, этот Фабрис, аж живот заныл.

– Действительно странный. – Я разжала кулак и подняла кулон повыше к свету. – Редко встретишь человека, который философствует и раздает драгоценности направо и налево.

– Ты в самом деле собираешься его носить?

– Конечно, мне кажется, это коллекционная вещь, а я их обожаю.

Расправив толстую цепочку, я решительно надела подвеску на шею; камень тускло поблескивал, хвастаясь своей красотой.

– Знаешь, тебе идет, – подруга шурилась, оценивая мое украшение. – В нем есть нечто таинственное, даже зловещее, и он очень хорошо смотрится с черным пальто.

– А о чем ты хотела спросить старика? – полюбопытствовала я, но Джилл не ответила, а шумно втянула носом свежий осенний воздух, закинула сумку с документами на плечо и потянула меня гулять по улицам вечернего Лардберга.

– Уже не представляю, – пробормотала она минут через десять, – после такой-то отповеди!

Глава третья

Всю жизнь меня привлекали украшения с натуральными камнями, но лишь последнюю пару лет я начала покупать новые экземпляры в свою и без того внушительную коллекцию. Большая часть экспонатов, как я их про себя называла, досталась от бабушки. Она же учила обращаться с камнями бережно, поскольку каждый из них обладает душой, а за непочтительность рано или поздно воздаст по заслугам. В моей семье существовала традиция торжественно передавать эти реликвии от матери к дочери в день ее свадьбы. Из поколения в поколение молодые женщины одна за другой клялись в верности супругу и принимали на себя обязательства беречь и приумножать коллекцию. Исключением стала мама, чей научный склад ума не воспринимал мистические разговоры, как и необходимость носить драгоценности, помимо обручального кольца.

– Они ее не приняли, – говорила мне бабушка, кивая на шкатулку. – Ничего не поделаешь. Зато ты для них точно своя, вот подрастешь, получишь их в наследство. Относись к ним с любовью. Они оценят.

В детстве мне нравилось давать украшениям имена и сочинять насыщенные приключениями истории, неразрывно связанные с судьбами всех бывших владельцев. Я обожала перебирать драгоценности, но надевать их не разрешалось, только рассматривать. Я крутила в руках перстни, любуясь светом, блистающим на острых гранях бриллиантов и цитринов; замороженно следила за переливами перламутра, навеки застывшего на жемчужном ожерелье; бежала к зеркалу, чтобы приложить к своим маленьким, еще непроколотым ушам рубиновые серьги. Я мечтала поскорее вырасти и носить все это когда захочется.

Бабушка предпочитала независимость и уединение, а к концу жизни перестала общаться со всеми родственниками. Когда она умерла, мне только-только исполнилось тринадцать. Шкатулка отправилась на самое дно папиного сейфа, сверху ее завалили коробками с патронами, а спереди прикрыли тяжелыми ружьями. Но время шло, и однажды я потребовала вернуть наследство. «Свадебная традиция прервалась, – горячо убеждала я родителей в свой девятнадцатый день рождения, – а держать красоту взаперти – кощунство!» Мама в ответ безразлично пожала плечами, папа молча вытащил шкатулку, сунул ее мне и принялся укладывать обратно наш домашний арсенал. Так увлечение снова проснулось, да вдобавок заиграло новыми красками. Теперь меня узнавали многие продавцы в ювелирных магазинах, а знакомые антиквары звонили, если у них появлялись интересные вещицы. Каждый тратит заработанные деньги по своему усмотрению: одни уезжают на острова или в заснеженные горы, другие скупают произведения искусства или технические новинки, а моя слабость – камни во всем многообразии их видов, форм огранки и размеров. Но сколько бы украшений с раухтопазом я ни перемерила, так ни одного и не купила, все казалось, не хватает в них чего-то. До сегодняшнего дня.

Расставшись с Джилл около полуночи, я забежала в супермаркет, схватила первую попавшуюся банку кофе – ничего, еще будет время разжиться чем-нибудь получше, а завтра обойдусь и этим – влетела в квартиру и, не раздеваясь, бросилась рассматривать удивительный кулон под ярким светом настольной лампы. Металлическая спираль ползла от подвесного ушка вниз; она широкими завитками огибала камень до середины, крепко вцепившись в него, но оставляя нижнюю половину открытой. Цвет кварца менялся по всей длине от темно-коричневого, почти черного, до бледно-серого; местами виднелись вкрапления, похожие на тонкие волоски. Выступы, выбоины, сколы, трещинки и царапины только подчеркивали мастерство природы и уникальность изделия. Мне не давал покоя вопрос, кто и почему оставил кристалл таким, но сердце подсказывало: рано или поздно нам суждено было найти друг друга. Эту вещь как будто создали лично для меня: незнакомый ювелир заглянул в мою душу, достал оттуда

желания и воплотил их в холодном камне всех оттенков дыма. Я твердо решила выкупить кулон, сколько бы за него ни попросили, но сначала предстояло съездить в Калмси.

Я завела будильник на семь утра и, как обычно перед сном, долго стояла под горячим душем. Потом почистила зубы, тщательно смыла косметику и, пока расчесывала спутавшиеся кудри, присматривалась к отражению в зеркале. Наедине с собой мы все выглядим по-другому: маски спадают, движения замедляются, дыхание становится спокойнее и глубже, да и нравимся мы себе больше. Не нужно ничего доказывать, никуда торопиться; разве можно сравнивать себя с кем-то, если ты сейчас один, если ты лучшее, что есть в этой комнате? А что ждет в другой? Я отложила расческу на раковину, повесила приготовленную пижаму на крючок и, как была обнаженная, босоногая, прошла в спальню, надела на шею увесистый кулон и нырнула в постель. Пусть не сразу, но раухтопаз признал меня: он начал понемногу согреваться, наполняясь теплом тела; края уже не казались острыми, не царапали кожу, лишь приятно щекотали. Я поглаживала его, а пальцы сами узнавали каждую неровность, скользя по металлической спирали, спускаясь по выступам твердых граней и поднимаясь обратно. Мы быстро сблизились, осталось выбрать подходящее имя, и камень окончательно станет моим.

На тумбочке коротко звякнул мобильник. «Поделишься успехами в мире отдыхающих?» – спрашивал в сообщении Рив Беккер. Он хотел выяснить, не зря ли дал мне отпуск, а я не стала обманывать, честно рассказав о встрече с Джиллиан и грядущей поездке в Калмси. «Не спишь. Так и знал, – улыбалась смешная рожица в новом сообщении. – Развлекайся, но не забывай про книгу! Твой месяц пройдет быстро». «Не быстрее твоего!» – фыркнула я, но вместо этого поинтересовалась, почему он не предупредил о романе Колмана и Джилл. «У них роман? – пришел ответ. – Совсем вылетело из головы. Я даже не сразу узнал ее». Рив снова по уши погряз в делах, а чужие отношения его попросту не волновали. «Доброй ночи, Марта!» – высветилось на экране, и я, прошептав: «Доброй ночи», – набрала то же самое. Телефон замолчал. Я сунула его под подушку и, только засыпая, поняла, что старик Фабрис, отдавая кулон, почему-то обращался ко мне по имени, хотя я его не называла!

Утром, засунув в дорожную сумку ноутбук с зарядным устройством и всякие мелочи, необходимые в пути, я наполнила термос горячим кофе, вызвала такси и поехала на вокзал. К счастью, поезда в сторону Калмси ходили часто, поэтому ждать долго не пришлось. Вагон был практически пуст: в это время суток люди, наоборот, стекались из окрестных городков на работу в Лардберг. Чтобы никто не мешал мне, я бросила пальто и сумку на сиденье рядом с собой, и, потягивая кисловатый кофе – ужасный привкус, но даже он лучше, чем ничего, – принялась просматривать свои старые рассказы и наброски, прикидывая, можно ли переделать хоть один в историю, достойную романа. Я стонала от ужаса и смеялась взхлеб над плохо сложенными предложениями, пока читала скучную незаконченную повесть пятилетней давности. В ней рассказывалось о молодом парне – незадачливом работнике железнодорожной станции, который коротал дни, придумывая пассажирам имена и судьбы. «Банальность, сплошная банальность!» – думала я, крутя в пальцах висящий на шее раухтопаз, с гордостью отмечая его необычайную тяжесть. Надев такой, точно не забудешь о нем ни на секунду, хотя – камень пару раз подпрыгнул в ладони – большая часть веса украшения все же приходилась на толстую цепочку.

Полтора часа промчались незаметно, за окном показалось кирпичное здание вокзала, выкрашенное в голубой цвет. Я быстро собрала вещи и вышла на платформу. Чем дальше от Лардберга, тем прозрачнее и холоднее воздух; я натянула перчатки и бодро двинулась в сторону родительского дома. Калмси совсем не менялся, оставаясь тем же тихим, образцовым городком, в каком я появилась на свет. Строгие офисные здания привычно встречали блеском широких окон, двухэтажные жилые дома важно стояли на своих местах, наряженные в яркую черепицу острых крыш, трамваи проезжали мимо, весело дребезжа и позвякивая на ходу, а люди неторопливо шагали по делам, не забывая здороваться, увидев знакомое лицо. Этим

местные отличались от вечно спешащих жителей мегаполисов. Я миновала три перекрестка, как делала каждый раз, когда возвращалась после лекций в институте, и свернула на родную улицу. Старые клены, высаженные вдоль тротуара, радостно зашуршали на ветру покрасневшими листьями, приветствуя меня. «А вот и вы, – подумала я, обращаясь к деревьям, – не слабо вас в этом году обкромсали, просто варварство какое-то! А представляете, как бы далеко я ни уезжала, все равно помню каждую ветку».

Я подошла к родительскому дому и уже собиралась подняться на крыльцо, но в этот момент дверь резко отворилась и на улицу пулей вылетел молодой человек, натягивая на бегу куртку.

– Ты к профессору Кержес? – спросил он. – Не ходи туда, она сегодня злющая как черт! Хотя почему «как»?

Парень громко захохотал над глупой шуткой. Мама иногда помогала выпускникам с дипломными работами, а этот наверняка получил от нее нагоняй за плохую подготовку. Я не стала подключаться к обсуждению членов моей семьи, лишь махнула рукой: проходи-ка побыстрее, не задерживайся.

– Мое дело – предупредить! – бросил студент, шмыгнув носом и скрылся из виду.

Мама сидела в гостиной за рабочим столом и, грозно потрясая в воздухе красным карандашом, зачитывала вслух результаты эксперимента.

– Нет, ну ты представляешь, представляешь, какая ерунда тут написана? – почти кричала она под папин хохот. – И этот наглец смеет заявлять, что отлично произвел расчеты и готов к защите! Да за кого он меня принимает? Я халтуру узнаю с одного взгляда! – Мама осеклась, услышав мои шаги, но тут же расплылась в своей фирменной, тщательно отрепетированной улыбке, которая затрагивала губы, но никогда не влияла на выражение глаз.

– Ой, Марта, ты вовремя, я только-только выставила очередного лодыря!

– Знаю, мам, он убежал отсюда как ошпаренный. Ты бы с ними полегче, они же еще почти дети и боятся тебя.

– Лентяи они, дочь, с каждым годом все меньше и меньше толковых ребят вырастает! – отрезал папа. – Скоро некому будет мир познавать и совершать открытия, все ищут занятие попоше.

Он сидел на диване в другом конце комнаты и чистил ружье привычными уверенными движениями. Я с ранних лет помнила дух охоты, который так часто проникал в наш дом вместе с топотом грязных сапог по чистому полу, влетал с перьями убитых птиц, ложился каплями их алой крови на разделочный стол, полз ароматным дымом из тарелок, до краев наполненных кусками жареного мяса. Мой папа бил без промаха, лучше любого из местных мужчин, и очень гордился этим. Рано утром по субботам, пока весь Калмси видел сны, он и пятеро его друзей шли прямо в лес навстречу приключениям, а к вечеру воскресенья, раздражая жен, толпой вламывались к одному из них в гости: потные, голодные, уставшие, пропахшие землей и сыростью, но всякий раз довольные. Я не понимала, почему мама злилась из-за их внезапных появлений, и сама упрашивала папу позвать друзей именно к нам, потому что обожала слушать взрослые истории и шутки, рокошующий многоголосый смех и громкий гогот от случайно сказанного при ребенке крепкого словца. С обеда воскресенья я дежурила у окна, высматривая высокие фигуры с оружием и добычей в руках, а когда они появлялись на дороге, бежала навстречу, забывая переобуть домашние туфли, и все эти мужчины ласково трепали меня по голове.

– Твой папаша – просто зверюга, – говорили они, подтрунивая над товарищем. – Опять ничего нам не оставил. И этот человек смеет причислять себя к научным работникам! Врет он, малышка! Знаешь, кто он такой?

– Секретный агент! – кричала я, звонко хлопая каждого из них по мозолистой ладони.

Папа в ответ ухмылялся, сажал меня к себе на шею и нес домой, придерживая за коленки, а я хваталась за его большую голову и дергала за уши. Тогда он еще называл меня своей принцессой.

Я дождалась, пока папа отложит ружье, вытрет руки, и обняла его, а потом маму. Теперь, встречаясь раз в несколько месяцев, я удивлялась, почему так долго жила с ними. Нам троим пришлось признать, что в одной семье могут существовать люди с абсолютно разными интересами, а их ежедневное столкновение к добру не приводит. Еще до моего рождения родители решили, что я пойду по их стопам, и не воспринимали всерьез мечту стать писателем. Успехи на уроках литературы в старших классах, похвалы учителей, рассказы и статьи, напечатанные в школьной газете, удостаивались в лучшем случае снисходительной улыбки вместе с просьбой вымыть посуду после ужина. А когда я объявила о решении изучать литературу в университете Лардберга, дома разразился грандиозный скандал. Сначала мне говорили, что это вообще не работа, так – хобби, и раз уж у нас в роду не было ни одного писателя, то и у меня таланту взяться неоткуда, а значит, я обнищаю, сопьюсь и стану жить подаян timer. Жестокие, обидные слова сыпались с двух сторон как удары, но именно они укрепили решимость. Глотая слезы, я настаивала на своем, а добилась бойкота на три недели. Первым сдался папа, за ним – мама. В качестве компромисса я выбрала факультет журналистики – и даже полюбила это занятие – а родителям пришлось смириться. Ну, или хотя бы научиться поспокойнее выражать в моем присутствии сожаления о загубленной карьере единственного ребенка. Но все же моя бывшая комната до сих пор оставалась нетронутой на случай, если я, по словам мамы, «одумаюсь», «брошу это писательство», «захочу вернуться домой и наконец-то заняться делом». Но какие дела меня ждали в научном сообществе? Как бы я ни старалась, уверена, все называли бы меня той самой девочкой супругов Кержес. Никчемная судьба; если подумать, спиваться и то веселее, чем пытаться день за днем отмыться от блеска чужой славы.

Папа окончательно ушел из профессии пару лет назад, но продолжал охотиться по выходным и внезапно вспылал страстью к земле. Он разбил на заднем дворе сад, воткнул яблони, поставил большую теплицу для овощей и ежедневно пропадал на улице, ухаживая за своими подопечными. Первое время получалось не очень хорошо: растения болели и чахли, цветы роняли бутоны, не успевая набраться сил, плоды вырастали мелкие и кривые. Папа не отчаивался: он скупал разные сорта, пытаясь понять, какие лучше всего приживутся в здешнем климате, безжалостно уничтожал погибающие экземпляры, читал книги, обсуждал результаты с соседями и друзьями, спорил в сети с такими же любителями природы. Даже сейчас, посидев недолго в столовой за чашкой чая по случаю моего приезда, он, заметив, что осень – не время для безделья, взял садовые инструменты, вышел во двор и скрылся где-то в кустах, которым срочно требовалось внимание. Мы с мамой остались вдвоем.

– Тебе идет этот кулон, – задумчиво сказала она. – Сто лет его не видела.

– О чем ты говоришь?

– О бабушкином кулоне, конечно же. – Мама удивленно подняла бровь и протянула руку, чтобы посмотреть раухтопаз поближе. – Даже не помню, когда она последний раз его носила. Дай-ка подумать... Наверно, в год, когда ты долго болела. Она тебе не рассказывала?

– Нет... То есть это не ее вещь, мама, я купила камень в одном антикварном магазинчике.

Я не стала вдаваться в подробности нашего с Фабрисом договора.

– Да нет же, ты ошибаешься! Это абсолютно точно ее кулон! Помню, она его приобрела буквально за несколько дней до твоего рождения и очень хвасталась этим. Украшение привезли откуда-то издалека, но главная ценность в том, что камень не обработан, он такой, каким его создала природа, а сверкает не хуже ограненного. Подожди, есть доказательства!

Мама ушла в другую комнату, а я сидела словно громом пораженная. Бабушкин раухтопаз! Этого просто не может быть! Бабушка никогда бы не стала продавать свои драгоценности, она не нуждалась в деньгах, и по всей видимости, кулон ей нравился.

– Вот, например, – мама с грохотом положила на стол тяжелый, переплетенный в кожу фотоальбом. – Ты здесь еще совсем крошка.

На снимке бабушка сидела в кресле и держала меня на руках. Точнее, от меня был виден нос, остальное скрывало огромное пушистое одеяло. Я отметила напряженное выражение лица, с которым бабушка смотрела в камеру, вероятно, она очень не хотела фотографироваться в тот день. Да и все в ней выглядело неестественно: слишком прямая спина, слишком сильно сжимающие ребенка руки, слишком жестко сжатые губы и глаза, которые, казалось, пытаются о чем-то предупредить. Я много раз видела это фото в детстве, но быстро пролистывала. Как и многих девочек, меня в первую очередь интересовало собственное лицо, но я успела хорошо его изучить, поэтому теперь взгляд притягивала только бабушка и ее шея, украшенная моим новым кулоном.

– Это точно он, второго такого быть не может. – Мама постучала острым ногтем по карточке. – Твоя бабушка называла его Камень ярости. И цепь та же самая, мне кажется, она якорь выдержит!

– Камень ярости? – переспросила я, все еще не в силах осмыслить увиденное.

– Ну да, – презрительно фыркнула мама. – Существует мнение, что раухтопаз – это камень мертвых, а потому ведьмы и маги любят использовать его в черных ритуалах. Порчу там всякую насылают или на смерть заговаривают... Сама понимаешь, это сказки. Но твоя бабушка одно время сильно увлекалась тайными знаниями: накупила книг, встречалась с какими-то странными людьми, куда-то ездила. С ней и раньше часто бывало сложно, а тут она словно помешалась на мистических откровениях, предназначениях, тайнах. И когда ты стала много болеть, она нас бросила ради них. Можно сказать спасибо твоему слабому здоровью: оно показало, кто есть кто. Как ты, кстати, себя чувствуешь?

– Нормально. Почему ты спрашиваешь?

– Ну, мы редко видимся, а я вообще не могу представить, как ты живешь там без нас. Ты же расскажешь мне, если что-то случится?

– Да что должно случиться? – засмеялась я. – Не драматизируй, пожалуйста, это больше по моей части.

Мама поджала губы и неловко погладила меня по голове. Если не брать во внимание дежурные объятия при встрече, за последние годы проявления нежности в нашей семье мы трое могли бы пересчитать по пальцам одной руки одного человека.

– Твой отец торчит там, когда не на охоте. – Она повернулась в сторону окна. – Раз уж я не люблю ковыряться в земле, то он делает это сам. Бойтся, соседи начнут судачить, что у нас участок не ухожен, представляешь? Столько лет не волновался, а тут на тебе! Неужели это самое главное, неужели наших достижений недостаточно? Кому сдалась его земля и все его цветочки-лепесточки? Мы же работали всю жизнь не покладая рук, тебя вырастили, несмотря на все капризы и кучу проблем, а ему мало. Почему ему всегда мало?

– Наверно, скучно сидеть без дела. Он же так и сказал.

Реагировать по-другому было бессмысленно. Мама не простила меня за разрушенную мечту, а споры и попытки оправдаться выматывали похлеще критики. Наступит вечер, и каждая из нас проживет своей жизнью, и они ни в чем не пересекутся до следующего визита. Я снова склонилась над альбомом.

– Да, я прекрасно помню этот кулон, – вздохнула мама, – слишком уж он необычный. Наверно, это единственная вещь в шкатулке, которая мне нравится.

– Ты права, я перепутала украшения, – зачем-то соврала я и внезапно поняла, что сижу, крепко зажав камень в руке. – А можно забрать эту фотографию, бабушка здесь еще такая молодая...

– Да, бери, конечно. – Семейные снимки маму не особенно интересовали. – Марта, как дела в твоём Лардберге?

- Хорошо, это же Лардберг. Там у всех все хорошо, по крайней мере внешне.
- И ты счастлива там?
- Иногда, – призналась я. – Но гораздо чаще, чем бывала здесь.

Поздно вечером скорый поезд увозил меня обратно. За окном совсем стемнело; густой лес около Калмси походил на большую черную дыру и звал к себе, но я сопротивлялась, зная: он способен затянуть любого, кто осмелится выйти из вагона. Поэтому я не вставала со своего места, только все дальше вытягивала ноги и потихоньку сползала в кресле. Мой путь был проложен рельсами, стучал колесами и пах креозотом. Фонари, переезды, узкие платформы станций пролетали мимо, вспыхивая мутными огнями и тут же оставаясь позади, а лес тянулся, тянулся, и казалось, не будет ему конца, и в стук колес отчетливо слышалось ритмичное ворчание: «Вернись, вернись, скорей, скорей, ко мне, ко мне...» И приходилось терпеть, повторять про себя другие слова из двух слогов, обманывая восприятие, пока не затих тот настойчивый зов. «Нет, не вернусь, – обещала я мысленно, – хочу жить там, где еще не потеряно будущее».

Лес отстал и вскоре прекратил преследование, а я принялась разглядывать пассажиров в вагоне, вспомнив парня из дурацкой повести, которую перечитывала утром. Может, не так она плоха? И впрямь интересно, кто эти люди и куда они направляются? О чем думает человек, ежедневно проезжая добрую сотню километров по железной дороге, о чем мечтает, к чему стремится? Мой взгляд задержался на девушке, сидящей наискосок. Ее лицо показалось смутно знакомым: правильные черты, высокие тонкие брови, точеные скулы; волосы полностью закрывал капюшон. Девушка застыла в непринужденной позе, всем видом изображая безразличие к происходящему вокруг. Сама музейная скульптура – не иначе. Вдруг она повернулась, словно ощутив нежелательное внимание к своей персоне, и от нее поползли широкие ленты потоков. Моя голова снова разболелась, что-то внутри надломилось, хрустнуло и полетело вниз, разбившись там вдребезги. За ним полетел следующий осколок, и еще один, и еще, и еще; они сыпались быстрее и быстрее до тех пор, пока я не осталась совсем опустошенной. Я мотала головой из стороны в сторону, щипала запястье, но ничего не помогало: сверкающие нити проникли в меня и разливали по телу свой яд. Зависть, ревность, ненависть, злоба наполняли девушку, и она с огромным удовольствием делилась ими со мной. Я в панике замахала рукой, пытаясь отогнать проявления чужой сущности, но они не поддавались, а только глубже затягивали меня, как болотная трясина, поймавшая неосторожного путника. Я барахталась среди них и, боясь утонуть окончательно, принялась искать в чувствах девушки хоть что-нибудь хорошее, не такое мучительное и болезненное. Я перебирала ее нити одну за другой, но лишь сильнее запутывалась, а вдалеке уже начал вырисовываться мой силуэт. Мне хотелось кричать, хотелось вырваться из крепких сетей, я билась в них, пытаясь разорвать, и тут раздался скрежет, а за ним звук удара. Дурнота потихоньку рассеивалась, я пошевелилась и обнаружила, что лежу на грязном полу, свалившись с места, когда поезд резко остановился. Люди с удивлением смотрели на меня, некоторые смеялись.

- Молодая, а уже пьет! – послышался старческий голос. – И куда мир катится?

– Да ладно вам наговаривать! – в сердцах воскликнула грузная женщина, сидевшая позади. – Там стоп-кран дернули, она и упала. Наверно, поезд сломался, вон дымом как заволокло. Собирайтесь все, чего ждете, это Лардберг, десяток метров можно и ногами пройти, до платформы чуть-чуть не доехали!

– Вот и иди сама по темноте! – ответили ей. – Гарью-то не пахнет! Мальчишки небось балуются, а ты паникуешь. Потерпи, сейчас поедем!

Пассажиры заспорили, а я поспешно поднялась, схватила сумку и первой ринулась к выходу. За открытой дверью вагона разлилась черная пустота, но до платформы оставалось совсем немного, ее огни слева сияли ярче торгового центра во время праздничной распродажи. Машинист по громкой связи призывал всех соблюдать спокойствие и оставаться на местах

до выяснения причин остановки. Я встала на верхнюю ступеньку лестницы, и снизу тут же протянулась чья-то рука.

– Осторожнее, хватит с вас падений на сегодня!

Рука оказалась худой, но сильной; кожа на ладони огрубела и потрескалась. Мужчина, как нарочно пряча от меня лицо, помог спуститься на землю и сразу пошел к хвосту состава, навстречу человеку с фонарем, который летел со всех ног, крича, что нам необходимо вернуться обратно.

Женщина в вагоне не ошиблась: мы доехали до Лардберга, но остановились на самой его окраине, до Главного вокзала отсюда добираться минут двадцать, до Подвижной улицы – и того дольше. На платформе толпились люди, взволнованно обсуждая, почему поезд не едет дальше, сколько продлится задержка и не проще ли пересест на автобус. Увидев меня, они накинулись с расспросами, но я отделалась коротким «ничего не знаю». Это всех удовлетворило: по насыпи уже гуськом потянулись другие пассажиры, среди них наверняка найдутся разговорчивые. Я вышла на площадь перед станцией, улеглась на свободную скамейку – над ней удачно не горел фонарь – и закрыла глаза: к боли внутри черепа теперь добавилась боль от удара об пол вагона. Только бы немного прийти в себя, только бы забыть ту девушку и ее самодовольную улыбку. Разве может человек улыбаться, если в нем бурлит отвращение к миру? Получается, может; та улыбка – радость, месть и обещание: все будет так, как я хочу.

Где-то рядом противно гудела машина; водитель жал и жал на клаксон, раздражая бес-толковой возможностью создавать столько шума. С площади ему кричали перестать, но тот не унимался. Я поднялась со скамейки и сама чуть не завопила в голос. Вокруг сновали десятки людей; они не обращали на меня никакого внимания, но от каждого тянулись четкие яркие нити всех существующих в мире оттенков. Эта картина ослепила меня, осколки начали сыпаться градом, пронзая звоном барабанные перепонки. И когда упал последний, то все потоки, словно щупальца гигантского чудовища, накинулись на меня разом. Одного тела не хватало для них, и они сталкивались друг с другом, разламывали мне кости, разрывали кожу, выкручивали руки и ноги, тянули голову к земле. Я не могла пошевелиться по своей воле, только подчинялась, боясь задохнуться, если попытаюсь справиться с ними. Но когда я заглянула в их суть – сотни, тысячи, миллионы деталей чужих жизней – мне стало по-настоящему жутко. Я ощущала каждой клеточкой тела скопище человеческих эмоций: от самых незначительных и поверхностных до сложных глубинных чувств, навсегда вросших в чьи-то не знакомые мне личности. Я не могла разобрать, кому конкретно они принадлежат, как сочетаются друг с другом, как вообще существуют прочно связанными, но в то же время совершенно отделенными. Очень скоро у меня не осталось сил сопротивляться; чувства овладевали мной, я почти вся стала ими.

Кто-то встряхнул меня и больно дернул за шею. «Закройте глаза, закройте, не смотрите на них!» – произнес мягкий голос прямо над ухом, и две холодные ладони легли мне на лицо, закрывая глаза. Я хватала ртом воздух, сердце бешено колотилось, голова раскалывалась, но видения понемногу отступали, потоки рассыпались на нити, потускнели и наконец погасли.

– Вот так, успокойтесь, все уже прошло, – проговорил голос. – Не нужно бояться, я помогу вам.

Человек стоял за моей спиной, монотонно повторяя одни и те же слова. Кажется, он мог продолжать так бесконечно, поэтому я подняла руку и осторожно отвела от своего лица чужие ладони – грубые, потрескавшиеся, резко пахнущие антисептиком.

– Как настроение? – последовал деловитый вопрос.

Очень худой мужчина лет пятидесяти, одетый в дорогое серое пальто в крупную клетку, опустил на корточки и взял меня за запястье. Его рукав задрался, и наружу выскочила манжета белоснежной рубашки, застегнутая тонкой металлической запонкой. Широкий темный

шарф, небрежно брошенный на шею, свисал сейчас до земли. Глаза скрывали очки, стекла которых при скудном вечернем освещении казались почти черными. Смуглый цвет кожи, тонкий нос, острый, гладко выбритый подбородок, седина, успевшая сильно выбелить коротко остриженные волосы, придавали ему немного печальный, благородный вид.

– Сойдет, – пробормотала я, оглядываясь по сторонам. Вокруг все так же сновали люди, но кроме человека, считающего мой пульс, никто ничего не заметил.

– Позвольте помочь, я знаю, что с вами происходит, – говорил тем временем незнакомец. – Вы должны поехать со мной, причем прямо сейчас. Давайте-ка, поднимайтесь, физически вы в норме.

Он обхватил меня за талию, легко приподнял и практически понес с вокзальной площади к автомобильной парковке; мне оставалось только успевать перебирать ногами. Дойдя до места, он попросил постоять пару минут в одиночестве, и я послушно ухватилась за ствол ближайшего дерева, прислонилась щекой к шершавой коре и почему-то подумала о мелких насекомых, живущих на ней. Наверняка им понравятся мои волосы. Прошла почти вечность, прежде чем передо мной затормозил большой внедорожник.

– Вы замерзли, наденьте перчатки, если они у вас есть, – подойдя, сказал человек в клетчатом пальто, а потом терпеливо ждал, пока мои руки выполнят указание. Коротко вздохнув, он снял с себя длинный шарф и набросил его мне на шею. Я не возражала, когда меня осторожно укутывали в темно-синюю мягкую шерсть, потому что действительно дрожала; не возражала, когда садилась на пассажирское сиденье и даже когда незнакомец взялся за руль.

– Лучше пристегнитесь, – посоветовал он. – У нас очень мало времени.

Резко сорвавшись с места, мы полетели по вечернему Лардбергу. Я не училась управлять машиной, живя в Калмси, где большинство жителей хотя бы поверхностно знали друг друга, поэтому вежливо соблюдали правила дорожного движения и аварии случались редко, и тем более не испытывала ни малейшего желания учиться этому здесь, но кататься с кем-то по городу при желтом свете уличных фонарей – отдельное удовольствие, особенно когда водитель так ловок. Для него существовали только дорога и цель, к которой он стремился, игнорируя сигналы светофоров, знаки, то и дело включая и выключая поворотники, перестраиваясь из ряда в ряд, обходя по встречной. Безумная гонка моментально захватила меня, закружила, понесла, захотелось закричать: «Давай быстрее!» – обнаружить предел скорости автомобиля и моего бесстрашия, уверенности человека за рулем, расторопности суровых полицейских, которые до сих пор не приказали нам остановиться, а если разобьемся – не беда, сегодня не беда, но мы не разобьемся, мы доедем. Я отогрелась, отогрелся синий шарф и стал колючим, жарким, запахом чужой туалетной водой и немного сигаретным дымом. Это привело меня в чувство, и минут через десять лихой езды я сообразила, что добровольно села в машину, мчащуюся теперь в неизвестном направлении. В голове всплыли истории из криминальных сводок. А вдруг этот нарядно одетый мужчина окажется маньяком или серийным убийцей? Вдруг он просто воспользовался ситуацией? Я не знала, куда подевалась моя сумка с мобильным телефоном внутри. Что, если она будет лежать на скамейке около станции до тех пор, пока кто-то не заметит мое исчезновение и не обратится в полицию? Паника нарастала, к горлу подступил плотный комок, мешая нормально дышать и глотать. Я покосилась на своего спутника и увидела, что он тоже часто поглядывает в мою сторону.

– Нечего бояться, Марта, – твердо сказал он. – Вы скоро сами в этом убедитесь.

– А куда мы едем? – спросила я, стараясь подавить волнение и говорить бодро. Получилось не очень хорошо; голос, взвизгнув в начале, к концу фразы почти умер.

– Я везу вас в дом Фабриса Жервеза, в Каменный переулок. Вы туда приходили вчера с подругой.

Он так круто повернул направо, что я не удержалась и завалилась на дверь машины. Безумная мысль выпрыгнуть на ходу закралась в голову, рука сама потянулась к застежке ремня безопасности, раздался громкий щелчок.

– Не глупите, – бросил водитель, – не хватает еще покалечиться из-за ерунды!

Не снижая скорости, мы пронеслись на красный свет, едва не врезавшись в грузовик. Я узнала район, мы действительно направлялись к Центральному бульвару, но уверенности это не прибавило.

– Зачем мы едем в тот дом? – спросила я.

– Там вы найдете ответы на вопросы. Приступы теперь будут происходить все чаще и могут свести вас с ума, если вы не научитесь работать со своей способностью. – Он снова посмотрел на меня. – О боже, Марта, напрягите мозги и успокойтесь, я прошу вас! Чего вы перепугались как маленькая, вы же сами сели в эту машину!

– Откуда вы вообще меня знаете? – прошептала я. Паника все нарастала. – Откуда вы знаете, куда я вчера ходила? Как вы нашли меня на площади? Кто вы такой?

Контролировать себя больше не получалось; в висках поселилась режущая боль, осколки внутри начали осыпаться, от неизвестного потянулись потоки сверкающих нитей. Я закричала, сжимая руками голову:

– Только не сейчас, только не сейчас!

– Закрой глаза, не смотри! – рявкнул он и, не замедляясь, резко вошел в очередной поворот. – Закрой глаза, Марта!

Я зажмурилась, прижав к лицу ладони. Видение тускло и растворялось несколько долгих минут, а может быть, прошла всего лишь пара секунд, я не отдавала себе отчета, сколько времени это длилось. Мир постепенно возвращался ко мне, послышался визг тормозов, и машина остановилась. Я открыла глаза; через лобовое стекло виднелась ничем не примечательная темная улочка, каких множество в любом крупном городе. Незнакомец молча сидел рядом, вцепившись в руль, уставившись в одну точку.

– Кто ты такой? – почти беззвучно снова спросила я. Голос не слушался от перенапряжения.

– Отлично, – встрепенулся мой спутник, будто проснувшись, – мы перешли на ты. Признаться, я думал, это займет больше времени. Выходим.

Мы вылезли из машины, и он повел меня мимо закрытого на ночь отделения почты, мимо аптеки с мигающим красным крестом над входом, мимо супермаркета, в витрине которого лежали огромные ярко-оранжевые тыквы, – традиционный продукт сезона – а внутри бродили последние покупатели. Хорошо бы вломиться в супермаркет, подумала я, закричать, что меня преследуют, но не сделала даже попытки реализовать план. Отчего-то я не смела поступить так с этим человеком. В нем чувствовалась мягкость и вместе с тем непреклонная решимость – он полностью владел ситуацией, не демонстрируя превосходства. Неожиданно он резко выбросил руку прямо передо мной, останавливая, немного отстраняя, и указал на опасный провал в асфальте. Сигнальная лента оторвалась почти ото всех столбиков ограждения и, висая на последнем, плескалась на ветру как длинный красно-белый флаг. Обогнув яму по проезжей части, мы приблизились к шумному, но не менее темному перекрестку, и я с большим облегчением узнала широкий перпендикуляр Центрального бульвара, на противоположной стороне которого торчал Гнилой зуб, загораживающий Каменный переулок мрачными стенами.

Идти по мостовой к дому Фабриса сделалось легко и обыкновенно, несмотря на поздний час. Редкие фонари высвечивали фрагменты переулка, и я замедляла шаг то тут, то там, не обращая внимания на смешки моего провожатого. Ощущение того, что я здесь гость, пропало, хотя все вокруг сильно изменилось. Тонкое деревце вчера цвело – сегодня лепестки устилали землю; утыканная мелкими ростками клумба успела распуститься и всю благоухала, а ветви яблонь нагнулись к земле под тяжестью спелых плодов. Через открытое в соседнем

доме окно виднелась часть обстановки, лилась музыка, но не успела я спросить, кто живет там, музыка смолкла, и пожилая женщина в зеленом платье показалась на крыльце. Она напевала, неторопливо спускаясь по ступенькам, но, заметив нас, ахнула и, покачав головой, засеменила обратно.

Над входной дверью последнего дома сиял кованный фонарик. Цветные стекла разбрасывали яркие пятна по дощатому полу веранды, попадая и на кресло-качалку, а вот цветочные горшки старик убрал; наверно, ночи теперь слишком холодные, чтобы держать растения на улице. Мой загадочный спутник жестом предложил зайти внутрь, пропуская вперед. В прихожей он помог снять пальто, аккуратно повесил его на вешалку, смущенно улыбаясь, забрал свой шарф, а затем проводил меня в гостиную, усадил на диван под большой картой и тут же резко отстранился, позвал:

– Фабрис, спускайся, погляди, кого я привез!

Хлопнула входная дверь; в комнате появилась соседка в зеленом платье. Она принесла корзину, накрытую полотенцем.

– Фабрис! – снова раздался нетерпеливый крик.

– Ах, не шуми, Альберт, – шикнула женщина. – Ты же сам видишь: девочке плохо. Вот, – она протянула ему свою ношу, – вскипяти лучше воды да завари для гостыи ромашку. Фрукты тоже нарежь, я не успела!

Как только тот вышел из комнаты, соседка присела на диван и легко похлопала меня по руке.

– Не волнуйся, дорогая. Скорее всего, у тебя очень болит голова, но это пройдет. Когда я по-настоящему осознала свои возможности, – она хитро подмигнула мне, – думала умру в ту же секунду от страха. Но ничего, до сих пор жива.

Я смотрела на нее во все глаза, не понимая, о чем речь. По внешнему виду трудно было определить возраст, но манерами, гордым выражением лица и все еще идеальной осанкой женщина производила впечатление знатной дамы с какого-нибудь портрета, выставленного в картинной галерее. Невысокая, полная, она вся излучала спокойствие и казалась абсолютно довольной жизнью. Белый кружевной воротничок платья открывал крепкую шею, подвернутые рукава – широкие запястья, а из-под длинной плиссированной юбки выглядывали золотистые туфли с ремешком вокруг щиколотки. Седые волосы она собрала в высокий тугий пучок; над широко посаженными карими глазами изгибались тонко выщипанные, подкрашенные карандашом брови; зеленые, в цвет платья, тени покрывали веки, а розовая помада – губы. Крупный жемчуг в ушах, жемчужная брошь на груди и кольца почти на каждом пальце только подчеркивали великолепие образа.

– Мое имя Адилин, – с достоинством представилась дама.

– Марта, – пробормотала я в ответ.

Ее приятель вернулся, принес большой поднос, нагруженный чашками, чайником с длинным носиком, вазочкой с печеньем и тарелкой с фруктами, поставил все на кофейный столик и подкатил поближе к дивану. Он успел снять пальто и предстал перед нами в идеально отутюженной белой рубашке с расстегнутым верхними пуговицами и черных брюках. Очки он тоже снял и похоже прекрасно обходился без них, но по-прежнему старался не встречаться со мной глазами, поэтому пожелал приятного аппетита, а сам развалился в кресле под портретом, потирая подбородок тонкими пальцами.

Адилин разливала чай, когда в комнату вошел Фабрис, тепло улыбаясь мне, как старой знакомой.

– Простите, Марта, что заставил ждать, – извинился он. – Я уже немолод и частенько ложусь рано, поэтому нужно было одеться, когда вы приехали. Насколько я понимаю, сегодня вам пришлось особенно тяжело?

Фабрис пододвинул к дивану кресло, взял чашку и сел, вопросительно глядя на меня.

– Ну да, тяжело, – призналась я. – Вы действительно разбираетесь в этом и можете помочь?

– Можем, но для начала нужно узнать, с чем имеем дело. Что же необычного с вами приключилось за то короткое время, пока я не имел удовольствия вас видеть?

Я уставилась в чашку. Воспоминания о нитях, таких манящих позавчера, когда они тянулись от Рива, и таких отвратительных сегодня, когда они набросились на меня разом, смешивались в голове. Как бы я хотела назвать их фантазией, плодом не на шутку разыгравшегося воображения! Но внутреннее чутье подсказывало: все правда, а в этой комнате сидят единственные люди, способные понять мое состояние, а может быть, даже научить с этим жить.

– Еще пару дней назад я увидела, как от одного человека начали исходить потоки. Я называю их так, не могу подобрать слово точнее. – Выразить мысль получалось плохо, но все внимательно слушали, а Адилин, подбадривая, снова похлопала меня по руке. – Того человека окутало яркое свечение, и оно растекалось в разные стороны. Понимаете, оно постоянно лилось, словно вода из крана. И эти струи тянулись ко мне; казалось, я могу вместить, впитать их в себя, поэтому прикоснулась к ним. И знаете, они не цельные, а состоят из множества каких-то нитей. Я рассматривала каждую, перебирала по очереди, но все равно не разобралась, что они из себя представляют. Хотела вытащить одну, но ничего не получилось. Вы понимаете?

– Мы-то понимаем, – тихо сказала Адилин.

– Сегодня видения повторились с другим человеком, и его нити были совсем не красивые. Они очень напугали меня. А потом это случилось с другими, со многими людьми разом, их потоки буквально напали на меня, чуть не разорвали на части. Я не знаю, что делать, не умею защищаться.

– Ты излишне доверчива и любопытна, – безапелляционно заявил мужчина, сидящий под портретом, – вот и тянешь все на себя. Уверен, у тебя часто спрашивают дорогу или просят денег.

– Так и есть, – усмехнулась я. Почти каждый день ни с того ни с сего со мной заговаривал кто-нибудь на улице, а Джилл шутила, что даже на необитаемом острове у меня обязательно найдутся собеседники. – Я привыкла к этому, но без вас сегодня бы не справилась. Спасибо вам и, пожалуйста, простите мое поведение в машине.

– Не стоит благодарности, – отмахнулся он, расплываясь в улыбке, – и мы же перешли на ты, помнишь?

Я кивнула. Фабрис спокойно смотрел куда-то в потолок, поглаживая седую бороду. Его не удивила моя история, а может быть, он просто никогда не терял выдержки. Адилин наклонилась ко мне и мягко спросила:

– Дорогая, а ты сама-то понимаешь, что именно видела?

От ласковых интонаций, внимания, которым окружили меня двое пожилых людей, горького запаха ромашки и тепла этого уютного, гостеприимного дома в глазах защемило. Человек в кресле весь подался вперед, безмолвно требуя ответа, и глядя ему куда-то в плечо, я прошептала:

– Мне кажется, я вижу чувства.

Насколько бы абсурдно не прозвучало последнее заявление, все в комнате моментально расслабилось. Адилин замурлыкала под нос какую-то мелодию, подливая чая нам в чашки, а Фабрис с улыбкой воскликнул:

– Ах чувства, прекрасное порождение душ человеческих! Вам так повезло, зачем же расстраиваться! Вы ведь знаете, кто мы такие? – Он обвел рукой присутствующих. – Мы не самые простые люди. Даже если вы не решаетесь поверить, это вовсе не означает, что вы не знаете, Марта. Предлагаю подсказку: раньше бы нас называли Живущими в тумане.

– Так, значит, это правда! – пробормотала я.

Наконец-то передо мной сидел тот, о ком я мечтала с самого детства! «Столько лет ожидания, неверия, надежд – думала я, – и вот я с ним! Но Фабрис говорит про всех. Неужели все здесь имеют способности, неподвластные остальным людям? И эта Адилин, и тот худой... Как, кстати, к нему обращались? Вроде бы Альберт. Да, точно Альберт. Альберт...»

Уснувшая было тревога снова зашевелилась, когда я вспомнила, откуда мне знакомо это имя. В Лардберге оно не в чести, и мальчиков теперь редко так называют, опасаясь насмешек. А все из-за него, человека, потерявшего не меньше трети веса, постаревшего, загоревшего, изменившегося почти до неузнаваемости, но надевшего сегодня белоснежную рубашку с жестким воротничком, которая так похожа на медицинский халат с фотографий в газетах.

Альберт Керн замер в своем кресле, положив длинные руки на подлокотники, и внимательно наблюдал за мной; напряженное тело выдавало волнение, он походил на зверя, готового к прыжку. Но куда он устремится: вперед – здоровый, смелый хищник – или отступит в логово зализывать очередную рану? Что-то творилось с ним: заботливый незнакомец с теплым шарфом уступал место другому, и тот, другой, не прятал лицо, наоборот – смотрел открыто, смело. Молодая женщина с портрета на стене беззвучно смеялась над происходящим, стоя к нам вполоборота и прижимая к груди букет полевых цветов. Длинные черные волосы отброшены за спину, голова слегка откинута назад, низкий вырез розового платья демонстрирует тонкую шею и мягкие плечи. Изабелла – вот как она выглядела! Я с ужасом поняла, что не имею ни малейшего представления о способностях людей в этой комнате, а вот мое самообладание снова подводило. Я отвела глаза, борясь с желанием забиться в угол – пока не слишком поздно, пока видение не поглотило меня – лишь бы исчез сияющий поток, медленно ползущий от Альберта. Он, может быть, и хищник; я – точно трусиха.

– Ты... – короткая запинка наверняка сказала ему даже больше, чем сам вопрос. Ребяческий, бестактный, оскорбительный вопрос. – Ты тот самый, да?

Подлокотники кресла жалобно скрипнули, когда Альберт с силой сжал их и поднялся, продолжая изучать меня.

– Да, я тот самый, – наконец подтвердил он. – Только я не убивал Изабеллу. Запомни это, пожалуйста.

Дверь за ним с грохотом захлопнулась.

Глава четвертая

– Вы должны его простить, Марта, – с тяжелым вздохом сказал Фабрис, бросив нежный взгляд на портрет Изабеллы. – Он действительно не виноват в гибели моей дочери. По крайней мере, виноват не больше, чем все остальные, не сумевшие вовремя заметить, насколько серьезна опасность. Мы не помогли ей, хотя очень любили, и, поверьте, прошло немало времени, прежде чем мы научились жить без нее. Полицейские арестовали Альберта в тот вечер по ошибке, а через несколько дней во всем разобрались, отпустили его, но молву уже никто не мог остановить. Те протестующие навывдумывали невесту что! Ладно, хватит об этом. Похоже, я в очередной раз ввел вас в заблуждение, когда сказал, что мы все здесь Живущие в тумане. Позвольте прояснить: меня давно приняли в этот круг, как хранителя тайны, пусть я и не обладаю способностями, схожими с вашей. Они были у Изабеллы, есть у Альберта и, конечно, у нашей прекрасной Адилин. А я всю жизнь посвятил изучению истории в самых разных ее проявлениях. Я действительно могу рассказать и о прошлом, и о том, что происходит в настоящее время, и даже предположить множество вариантов далекого будущего, но это работа моего ума. Вы же, по всей видимости, сами того не желая, очень хорошо распознаете чужие эмоции. Это не магия, не колдовство, не дар свыше, а тяжелый труд. Вы умеете воспринимать вещи такими, какие они есть в действительности, наблюдать за ними и проникать в их суть. Понимаете, Марта, человек может ощущать определенные вибрации, но только если научится концентрировать на них все свое внимание. Многие, очень многие, впервые обнаружив в себе что-то, выходящее за рамки их представлений о мире, теряются и всячески начинают убивать в себе эту, если позволите сказать, странность, пока она окончательно не погряхнет под слоем комфортной обыденности. А есть те, кто не боится, кто, ощутив в себе способность к большему, не отпускает ее. Но с ними тоже трудно: далеко не все используют навыки во благо, а как узнать, кто перед тобой? Вот невежды и начали сторониться таких, как вы, сочинять небылицы, оговаривать, преследовать. Но не будем о грустном, сейчас вы среди друзей. Мы называем себя Скрытые, так было сказано в одном из старых текстов, и с большой радостью приветствуем вас!

– Скрытые? – нахмурилась я. – Не слишком ли много у вас названий?

– Ничуть! – засмеялся Фабрис. – Люди любят давать всему названия, а потом бесконечно уточнять их, корректировать, как будто это помогает выразить суть. Будто бы так понятнее, с чем имеешь дело.

– Лично я терпеть не могу, когда нас связывают с туманом, – добавила Адилин, сморщив нос. – Он появляется, только если Скрытый себя не контролирует, а это обычно случается с новичками.

– Ясно, – кивнула я. – А вы всегда жили в этом переулке?

– Я родился здесь, – ответил Фабрис. – Альберт много путешествовал, вернулся в Лардберг пару лет назад. Адилин тоже не любит сидеть на одном месте, сюда она перебралась этой весной. С тех пор мы за вами приглядываем.

– За мной? Но как вы вообще узнали обо мне?

– Вы очень похожи на свою бабушку Анну. – Фабрис улыбнулся и обменялся теплым взглядом с Адилин.

– Да и фамилия в последнее время на слуху, – кивнула та.

Рука машинально потянулась к груди, ища раухтопаз, но ухватила лишь за складки джемпера. Цепочка перестала оттягивать шею, а я даже не почувствовала, когда это произошло. Я вскочила на ноги и в растерянности огляделась.

– Мой кулон! Неужели он потерялся? Как я могла не заметить?

– Не волнуйтесь, камень у Альберта. Должно быть, вы обрели его по дороге, – сказал Фабрис. – Да, Марта, мы прекрасно знали Анну, она часто бывала в этом доме, а кулон в свое время изготовили специально для нее. Говорят, раухтопаз тоже раскрывает в человеке удивительные способности. Кто знает, правда ли это? Но однажды Анна попросила сохранить его для вас. Она сказала, что когда-нибудь вы к нам заглянете и, без сомнения, узнаете камень, ведь вы любили с ним играть в детстве. На самом деле раухтопаз – ваше наследство, а я всего лишь отдал его законной владелице. К сожалению, вчера с вами приходила подруга и я не мог все сразу объяснить, поэтому решил дать вам повод вернуться, познакомиться поближе, без лишних ушей.

– Значит, я за него ничего не должна?

– Если вы о деньгах, то у меня их достаточно.

– Даже не знаю, как благодарить вас, Фабрис. Любых слов будет мало.

– О, мне не нужна благодарность. Разберитесь со своими видениями, и мы в расчете. Ваша история станет интересным дополнением к моему архиву, если вы позволите ее записать. – Он указал на большой шкаф, забитый папками.

– И вы поможете мне?

– Ну конечно! Оставайтесь здесь на пару дней, Марта. Сегодня отоспитесь, а завтра на свежую голову вместе подумаем, что можно сделать. Наверху есть свободная комната, а остальные дома в переулке заколочены и не готовы к приему гостей.

– Уж прости, дорогая, пригласить к себе не могу, – улыбнулась Адилин. – Я биолог, и иногда мне самой бывает тесно с моими растениями.

– И тогда ты начинаешь подбрасывать горшки соседям, – притворно проворчал старик.

Он не злился на Адилин, между ними ощущалось удивительное взаимопонимание. Кажется, эти двое могут общаться без слов, только с помощью мыслей.

– Скажи спасибо, что я не занимаюсь животными, Фабрис! – воскликнула Адилин, подмигивая ему в ответ. – Иначе бы у тебя жили коровы.

Я стояла на пороге спальни для гостей, в которой разместил меня хозяин дома. Стены комнаты были оклеены бледно-зелеными обоями с широким палевым узором, солнечно-желтый пушистый ковер украшал пол. Ветер, проникающий через открытое окно, колыхал волнами шторы оттенка старого золота, выдувая из-под них легкий бежевый тюль. Огромная мягкая кровать, застеленная покрывалом в цвет штор, притягивала взгляд; гора подушек звала к себе, обещая долгий спокойный сон после насыщенного событиями дня. Почти всю противоположную стену занимал пустой платяной шкаф из темного дерева, оставшийся угол захватили письменный стол на пару с уютным креслом, на сиденье которого лежала моя сумка. Я бросилась к ней, проверила, на месте ли вещи, и вытащила телефон: ни пропущенных звонков, ни сообщений. Если я останусь у Скрытых на ночь, никто об этом не узнает. Вот и хорошо. Делиться с кем-то своей тайной пока рано.

По спине пробежала дрожь: то ли от мыслей о потоках, то ли от сквозняка, успевшего заметно выстудить комнату. Октябрьские ночи коварны, притворяются ласковыми, но с их холодом не справится даже самое теплое одеяло. Я заперла дверь на замок и подошла к окну. В Каменном переулке не ждали поздних гостей и уже погасили все фонари вдоль дороги, но по брусчатке мерно простучали чьи-то каблуки. Я высунулась наружу и увидела под окном Альберта. Он помахал включенным экраном мобильного, дернул головой, приглашая спуститься, и исчез под крышей веранды. Тихо скрипнуло кресло-качалка.

Так или иначе, Альберт не сделал мне ничего плохого и имел полное право требовать объяснений. Я поспешила к нему, но тут же заблудилась в чужом доме, пойдя по коридору не в ту сторону. В крошечной темноте лестница обнаружилась с трудом, пришлось ощупывать ногой каждую ступеньку, прежде чем наступить на нее, а на первом этаже, наткнувшись на мебель, долго шарить по стенам в поисках выключателя. Когда наконец в противоположном

углу зажглась лампа, я обрадовалась свету как никогда раньше и в хорошем расположении духа направилась в прихожую за своим пальто.

Над входной дверью снова ярко горел фонарик. Альберт лежал в кресле, вытянув ноги и прикрыв глаза. Он неторопливо курил, используя вместо пепельницы обычную стеклянную банку, стоящую рядом с ним на полу, и даже не пошевелился, когда я вышла из дома, а еле слышно произнес:

– Фабрис меня убьет, если узнает.

– Он злится, если ты куришь? – спросила я, забираясь на широкие деревянные перила.

– Ему не нравится, если я делаю это вот так, – устало ответил Альберт, стряхнул пепел в банку и посмотрел на меня столь выразительно, что я смутилась. – Фабрис называет мою манеру вульгарной.

Я уставилась на него в полном недоумении. Теперь, когда Альберт снял свои затемненные очки и сидел совсем близко, мне удалось разглядеть его получше. В молодости он был довольно красив и все еще оставался привлекательным, несмотря на излишнюю, на мой вкус, худобу. Его глаза манили, но моментально приводили в замешательство: из них на собеседника взирала давняя, глубокая тоска без малейшего проблеска надежды. Подобные глаза встречаются редко и только у людей, которые успели многое выстрадать и перестали требовать от жизни милости. В движениях рук Альберта, широких, но изящных, чувствовались королевский размах и утонченность прошлых веков. Красноватая, потрескавшаяся кожа на тыльной стороне кистей совершенно не портила впечатление, наоборот, показывала, насколько этот человек не привык к праздности. В каждом его жесте читалась уверенность и уважение к самому себе – даже сейчас, когда он просто курил на улице. Альберт не старался покончить с сигаретой как можно быстрее, лишь бы удовлетворить потребность, успокоить нервы, занять время и вернуться к делам. Он любил свою вредную привычку, курение было для него удовольствием, а не поводом корить себя за слабость.

– Прости, если обидела, – попросила я. – Не очень-то удачное у нас начало, раз нужно извиняться дважды за один вечер, но ничего дурного я о тебе не думаю. Мне жаль, что так вышло: не только сегодня, вообще.

Как легко сознаваться, если говоришь от чистого сердца! Разумеется, я отдавала себе отчет, что, защищая Альберта, Фабрис мог солгать. Но разве это поразительно или безумно, странно, глупо? Нет, вовсе нет. Возможно ли, что потеряв дочь, старик боялся лишиться еще и зятя, ведь тот, по всей видимости, оставался его единственным родственником? В семье возможно все, и чем сложнее в ней отношения, тем меньше причин удивляться событиям. Я с детства помнила, какими словами поносили Туманного тетюшки, судачившие на улицах, как мужчины плевали, услышав его имя. Но скольких в мире обвиняли зря, сколько ошибок ежегодно допускают следствие, эксперты, судьи? У Альберта не было судей, оправдательного приговора, как не было опровержения в газетах. Никто об этом не позаботился. Бывший обвиняемый уехал, зачем переживать за чью-то репутацию, когда можно сочинить очередную сенсационную ложь? Но люди, плясавшие вокруг горевших на бульваре фотоснимков, не добились успеха, не сломили дух мнимого врага. Альберт вернулся, он нашел меня в нужный момент. А теперь мы отдыхали в тишине забытого городом Каменного переулка, и мне претила мысль относиться к сидящему рядом человеку как к виновному лишь потому, что кто-то называл его таким, не выяснив правды. И кто такая я, чтобы судить? Наоборот, пусть я и стану той, кто усомнится в сплетнях, потребует у прошлого улики, факты, да хоть что-нибудь весомое! Пусть Альберт станет не злодеем, не преступником, а жертвой того дня и, может быть, однажды он мне все расскажет.

Когда человек симпатичен, мы начинаем искать доказательства его честности и порядочности: по крупицам собираем драгоценные сведения, складываем их в прочную линию защиты, отклоняем неувязки, с усердием замазывая благосклонностью любую брешь. Так поступала

Джиллиан, так поступила я. Альберт Керн с его протянутой из темноты ладонью, с его горячим шепотом: «Я помогу вам!» – произвел на меня неизгладимое впечатление; за ним хотелось последовать не только в машину, но и, чем черт не шутит, на край света. Откуда взялось слепое доверие, что теперь с ним делать, я не понимала. В моем решении не прослеживалось никакой логики и, положив руку на сердце, никакой справедливости, но что есть логика и справедливость против уз симпатии? И раз уж Альберт не убивал свою жену – теперь я уверилась в этом – то какой справедливости можно требовать, когда все набросились на него одного, безутешного вдовца, не позволив ни объясниться, ни оправдаться? Мне хотелось, чтобы он не знал хотя бы половины слухов о себе, но рассчитывать на это не приходилось.

Легкая улыбка промелькнула на тонких губах и мгновенно спряталась; Альберт смотрел с недоумением и любопытством, привычным жестом потирая подбородок. Обычные слова не исправят ни момент в гостиную, ни давнишнюю печальную историю, как не исправят тысячи других мелких оплошностей или великих трагедий всего человечества, но сожаление – единственная возможность к ним прикоснуться, не запачкав память о них в собственных заблуждениях.

– Тебе не нужно просить прощения, – сказал Альберт. – Многие на твоём месте отреагировали бы гораздо хуже. Я должен был вернуть машину на стоянку, потому ушел.

– Значит, она не твоя? А как ты вообще узнал, что я на площади?

Он хмыкнул и выпустил в воздух облачко дыма.

– Мы ехали из Калмси в одном вагоне, я увидел твой туман и, пока его не заметили остальные, сорвал стоп-кран. А ту машину пришлось ненадолго одолжить.

– Ты что, угнал ее? – в ужасе закричала я, прыгнув с перил. – Ты посадил меня в автомобиль, который наверняка уже начали разыскивать?

– Одолжил! – Теперь он буквально покатывался со смеху. – Я же не случайно попросил тебя надеть перчатки. Ты, конечно, действительно продрогла, но хотя бы не оставила нигде отпечатки пальцев.

Глядя на его довольную физиономию, я неожиданно для себя тоже расхохоталась. Весь сегодняшний вечер превратился в сплошной абсурд. Пару дней назад я даже представить не могла, что такое реально может случиться: я окажусь в обществе Туманных, прокачусь с одним из них по Лардбергу на угнанной машине, заночую под одной крышей с совершенно чужими людьми, и от этого мне будет очень-очень хорошо. Я снова влезла на перила и смеялась взахлеб над чем-то, мне самой пока не ясным.

– Так не бывает, не бывает! – хохотала я.

Альберт притушил фонарь над дверью, стянул со спинки кресла плед и положил его мне на колени: сегодня нам суждено еще долго сидеть на улице, наслаждаясь красотой осенней ночи. На небе не было ни луны, ни звезд; соседние дома и стены, обрамляющие переулок, поглотила темнота. Все исчезло в ней, кроме маленького слабого пятна света на нашей веранде. Наступил лучший час в сутках, когда стираются любые границы и запоздалые прохожие обязательно здороваются друг с другом или даже бродят вместе, позабыв про время, рассуждая о причудах жизни. Они не знакомы и больше не встретятся, но в них горит одно и то же пламя: они влюблены в ночь. А иные вдруг вскакивают в своих постелях, полные надежд на будущее, и мечутся до рассвета, не в силах уснуть, мечтая, томясь, строя планы, но поутру пугаются собственной смелости. «Что это значит? – шепчут они, вглядываясь в потолок. – Да разве я смог бы рискнуть? Я смог бы? Неужели я?» Они, конечно, сомневаются, но в их сердцах уже пробежали искры, поселилось волнение, которое однажды погонит прочь из дома в темноту искать утерянный покой. Ночь создана для откровений.

– Давненько тут не слышали настоящего смеха, – заметил Альберт, когда я, наконец, успокоилась.

– И я давно так не смеялась, а может, вообще никогда. Но это оттого, что мне у вас нравится, здесь легко и так спокойно! Эти удобные перила, это твое кресло с его торжественным скрипом – на нем бы в оркестре играть, вот бы вышла симфония! – и милый фонарик с цветными стеклами... А знаешь, что еще мне нравится? Воздух: упругий, влажный и немного сладкий, как земляничное суфле. Ты чувствуешь, как пахнет? Он здесь живой, вкусный, хоть ложкой ешь! Теперь-то я понимаю, зачем вам нужны стены. – Мне вдруг стало жарко, я скинула плед, расстегнула пальто и потянулась всем телом навстречу ветру. – Смотри, Альберт, меня приглашает на танец дух Каменного переулка, мы теперь друзья.

– Все куда проще, Марта. Сегодня ночь ветреная, а днем лил дождь, и на клумбах еще не завяли цветы.

– Прекрати разбивать мне сердце, черствый человек, лучше подыграй! Если доверишься моему другу, он и тебя полюбит, обещаю!

В полумраке лицо Альберта казалось изможденным, но предельно сосредоточенным – тусклая застывшая маска. Я дурачилась, шутила, без умолку болтала, а он становился все серьезнее.

– В кого же ты такая фантазерка? – поинтересовался он.

– В саму себя, разумеется!

– А твои родители? Разве ты не похожа на них?

– А разве у меня есть лысина и борода или я темноволосая дама с приклеенной к лицу улыбкой? Нет, мы с ними совершенно разные. Они бы с ума сошли, если бы узнали, что я сижу тут с тобой.

– Очевидно так, – процедил Альберт сквозь зубы.

– Да ничего очевидного! Но родители слишком опекали меня всю жизнь, контролировали каждый шаг и вряд ли могут представить, что на самом-то деле их дочурке нравится свобода и беседы с мужчинами по ночам. Вот где вся ирония наших отношений!

– Скорее, издевка. Спроси у них на досуге.

Альберт порылся во внутреннем кармане пальто и вытащил кулон с раухтопазом.

– Это твое, – сказал он. – Ты очень сильно тянула за цепочку там, на площади, и я побоялся, вдруг ты сама себя придушишь. Анна оставила камень Фабрису, чтобы ты знала: нам можно верить. К сожалению, я мало общался с твоей бабушкой, но помню ее хорошо. Она всегда очень волновалась за внуку, которая с самого детства умела видеть чувства других людей, а потом забыла об этом.

– Нет-нет, я раньше не умела. Разве такое можно забыть?

– Можно, если воспоминания плохие. Люди часто вытесняют их или заменяют другими, поприятнее, но сейчас дело не в памяти. Истинная причина видений – ты сама, поэтому слушай: пока ты не примешь настоящую себя со всеми страхами, печалью, проблемами, достоинствами и недостатками, пока не скажешь себе: «Да, это действительно я», – так и будешь метаться среди чужих сущностей, постепенно разрушая свою личность. Ты истинно Скрытая, Марта, потому тянешься к неизвестному, но твой страх – главная помеха на пути. Первое, чему ты должна научиться в жизни – доверять самой себе.

– Доверия во мне хоть отбавляй, – заявила я, беря камень из его рук. – Откуда ты можешь знать, что это не так? Не забывай, я села к тебе в машину.

– Наверняка, конечно, не знаю. Но позволь спросить, что провоцирует твои видения?

Я пожала плечами.

– Во всех случаях нет ничего общего: разные люди, разные ситуации, место, время...

– О чем ты думала, когда ехала домой?

– Просто гадала, кто все эти люди в вагоне, и пыталась представить их героями будущей книги. Девушка напротив чем-то привлекала внимание. – Я сосредоточилась на ней, но не могла четко вспомнить ее лицо, только размытая фигура в капюшоне маячила в памяти. –

Не могу сказать, что она мне понравилась, скорее наоборот, вызвала неприязнь. Да, пожалуй, это я заметила раньше, чем началось видение. – Какие-то тонкости продолжали ускользать от понимания, пока я заново переживала события. – Там был кто-то еще, Альберт. Я почти засыпала и не видела точно, но там был человек, неподалеку... – Я закрыла глаза, воскрешая в подробностях тот момент. – Его взгляд чувствовался даже сквозь дремоту, мне это не нравилось, я хотела заслониться от него той девушкой, но вместо этого увидела ее сущность.

– А что случилось на площади? – тихо поинтересовался Альберт.

Перед внутренним взором появилась железнодорожная платформа: старый потрескавшийся асфальт под ногами, темная крыша над путями, отъезжающий поезд, пассажиры, спешащие к выходу. Картина сменилась шумными помещениями вокзала: на полу серая плитка с черно-белым, местами затертым узором – петли и точки, запертые в строгие границы квадратов; эскалаторы, без усталости ползущие вверх и вниз; неудобные пластиковые сиденья в зале ожидания. Затем я оказалась на широкой площади: по центру располагался фонтан, отключенный на зиму, по периметру росли деревья и стояли скамейки с низкими спинками. На скамейках сидели люди, лежали чемоданы и сумки. Я снова шла мимо них, отмечая каждый свой шаг, каждую деталь, которую успела тогда уловить, и рассказывала:

– Я выхожу из здания вокзала и думаю, что добираться до дома пешком слишком далеко. На улице промозгло, меня потряхивает, но сил вызвать такси или искать остановку автобуса нет. Голова болит. Очень болит. Мне одиноко, неудобно, я хочу попросить о помощи, но не знаю, как это сделать, будто разучилась говорить. Помню, лежу на скамейке; помню собственное бессилие. Никогда не ощущала его так остро! Мне хочется, чтобы хоть кто-нибудь заметил, как мне плохо. Но проходим нет дела.

Я ахнула и распрямилась на перилах, пораженная догадкой.

– Альберт, выходит, оба раза я хотела помощи, но не получила ее!

Все это время он внимательно слушал, стараясь не упустить ни слова. Поднявшись на ноги, он начал расхаживать взад-вперед по веранде, потирая подбородок и размышляя вслух.

– Ты хотела помощи... Допустим... Кто-то напугал тебя в поезде, мы пока не знаем чем, но тебе нужна была защита... На вокзале тебя пугала уже твоя способность и невозможность разделить переживания с кем-то. – Он замер ненадолго на одном месте, стоя спиной ко мне и глядя в темноту Каменного переулка. – Хм-м, ты сказала про одиночество. Это ведь тоже пугающее ощущение. Мы отчаянно ищем близости с другими людьми, чтобы защититься от ужаса одиночества. А если и в близости не находим желаемого, то страх многократно усиливается. Я понял! – он развернулся и посмотрел мне прямо в глаза. – Твой катализатор – это жажда безопасности!

– И с тобой он не сработал, потому что ты все время повторял, что можешь помочь мне.

– А снова действовал, когда мы ехали в машине, – подхватил Альберт, – и ты решила, что бояться стоит. Все сходится.

Он радостно хлопнул в ладоши и уселся обратно в кресло. Его предположение звучало разумно, но меня беспокоил один момент, торчащий ржавым гвоздем из идеально гладкой поверхности рассуждений, поэтому я сказала:

– Одного не понимаю: впервые я увидела эти нити от своего друга. Мы давно знакомы, я полностью доверяю ему, и мне незачем его бояться. О какой жажде безопасности может идти речь?

Альберт пожал плечами. Конечно, у него не могло быть готовых ответов на все, а мне требовалось время осмыслить сегодняшнее открытие и наконец-то выспаться. Мы пожелали друг другу доброй ночи, и я почти переступила порог, когда позади зашелестел спокойный шепот:

– Самые близкие ранят нас больше всего, но в трудную минуту мы зовем именно их в надежде на сочувствие и помощь, чем бы она для нас не обернулась. Рискну предположить следующее: тот человек значит для тебя гораздо больше, хотя ты не хочешь соглашаться с этим. Если я прав, вам необходимо разобраться с отношениями. Мне кажется, в них накопилось достаточно проблем, да что проблем, там скоро разразится катастрофа!

Пулей влетев в дом, я побежала вверх по лестнице. Меня злила легкость, с которой Альберт попал в точку. Всего минута размышлений, и он выудил из моих слов то, о чем не мог знать, о чем я долгое время упорно врал самой себе, придумывая отговорки и оправдания, чтобы даже в мыслях обходить эту тему стороной, запрятывать ее где-то среди складок мозга и ни в коем случае не касаться того места внутри, где находился старый, грубый, наспех наложенный на чувства шов. Он болел, сочился кровью, но день за днем я шла на любые сделки с совестью, лишь бы не признавать очевидное: в самой глубине моего сердца так же, как и семь лет назад, жил Рив Беккер. Все, что я делала, безоговорочно посвящалось ему.

Я ходила по гостевой комнате, пытаюсь успокоиться, точно понимая, что быстро заснуть не выйдет. Мне опротивела и эта ночь, и пронизательность мужчины, сидящего внизу, и недогадливость мужчины, которого сейчас здесь нет, но более всего – моя болтливость. И откуда берется привычка распускать язык там, где не следует?! Лучше бы я ногти грызла или сутулилась! «Не люблю его, не люблю, он не поймет, он обыкновенный сухарь! – покрывался новыми стежками шов. – Он не поймет!» Неплотно закрытое окно со скрипом распахнулось от порыва ветра, ударило об откос и снова захлопнулось, утащив бежевый тюль навстречу выглянувшей луне. Я подтащила к подоконнику кресло, влезла на него, пытаюсь спасти из плена тонкую ткань, пока та не разорвалась, и увидела в переулке одинокую темную фигуру в пальто и шляпе. Кто-то стоял на дороге, вытянув руки на уровне лица, а потом начал ловить в воздухе что-то незримое, и поймав это, медленно гладил, скатывал в шар, сминал и снова расправлял. Человек несколько раз проделал свой трюк, развернулся кругом, громко фыркнул и прикурил сигарету.

– Земляничное суфле, – услышала я тихое ворчание. – Придумает тоже.

Он поправил шляпу и покинул Каменный переулок.

Утро обрушилось на меня лавиной света; казалось, солнце собрало все лучи воедино и разом ударило по кровати. Еще мгновение назад стрелки часов лениво переползали половину четвертого, а теперь подбирались к семи; снаружи всюду щебетали птицы, а с первого этажа доносились приглушенные голоса, шаги и раскатистый смех. Спать до обеда здесь не привыкли. Я вылезла из-под одеяла и направилась в ванную комнату. На раковине лежала запечатанная зубная щетка, полотенце, расческа, кусок мыла и другие необходимые мелочи. Мои новые друзья успели позаботиться обо мне. Я быстро приняла душ, привела в порядок волосы, нанесла легкий макияж. Рядом с этими элегантными людьми выглядеть неряшливо совершенно не хотелось.

Пока я занималась своим туалетом, внизу начали готовить завтрак. Дом постепенно наполнял летящий танец запахов яичницы и горячего хлеба; он проникал во все щели, расплзался по комнатам, возбуждая аппетит. Немного погодя, как величавый корабль, рассекающий волны, поплыл горький аромат кофе. Я пошла на звук голосов и обнаружила хозяев в просторной кухне с окнами, выходящими на задний двор. Весь центр комнаты занимал большой обеденный стол, накрытый скатертью мятного цвета; стеклянная ваза на нем пестрела пушистыми георгинами, астрами и хризантемами среди разложенных на четверых салфеток и столовых приборов. Вокруг стола были расставлены массивные стулья с высокими спинками и мягкими сиденьями. Альберт, одетый в свободную черную рубашку и такие же штаны, босиком пританцовывал на кафельном полу, напевая веселую мелодию себе под нос. Он одновременно помещивал кофе, закипающий на плите, и приглядывал за яичницей. Фабрис в теплом домашнем халате поверх пижамы стоял чуть поодаль от этого представления и смазывал маслом гору тостов, выложенную пред ним на тарелке.

– Привет, Марта! – поздоровался Альберт, не отрываясь от своего занятия, и щедро насыпал в турку какие-то специи. Он походил на волшебника, варящего зелье.

– Доброе утро, – отозвалась я, подходя к ним.

– Доброе-доброе, – промурлыкал Фабрис, – как спалось?

– Прекрасно. – Им незачем знать, что я почти не сомкнула глаз. – Как еще можно спать в вашей красивой желтой комнате? Но от чашечки кофе не откажусь.

Альберт заговорщически улыбнулся.

– Рад, что тебе уютно здесь. Мы совсем недавно закончили ремонт. Я был против такого количества желтого, но Фабрис похоже угадал первое желание своей гостыи. А я легко исполню второе! – Он снял турку с плиты и разлил напиток по чашкам. – Сахар, сливки, молоко?

– Только кофе, пожалуйста. Я люблю черный, чем крепче, тем лучше.

– Очень вас понимаю, коллега! За этими попытками смягчить горечь теряется вся суть. Зачем исправлять то, что идеально?

– Сначала доживите до моих лет, – вмешался Фабрис, – тогда и посмотрим, сколько кусков сахара вам понадобится. В старости слишком устаешь от всего происходящего, а еще и кофе горьким пить? Нет уж, увольте! И тебе, Альберт, не следует выражаться так категорично, ты тоже изменяешь вкус своими специями.

– Мои специи его раскрывают, а не уничтожают, Фабрис. Если женщину нарядить в подходящее ее фигуре платье, это подчеркнет достоинства, а замотай ты ее в ткань с ног до головы, и что увидишь? – одну ткань. И в чем смысл?

– Ну вот, теперь ты сравниваешь женщин с кофе! Как вам это нравится, Марта?

– Не вмешивайте меня, это не честно, – засмеялась я, с трудом оторвавшись от своей чашки. – Во-первых, мне доводилось слушать похожие рассуждения, а во-вторых, споры о вкусах для того и существуют, чтобы никогда не заканчиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.